

NEW YORK TIMES BESTSELLING AUTHORS OF THE RELIC
DOUGLAS PRESTON
AND LINCOLN CHILD

Линкольн Чайлд
Меч карающий

«Автор»

1998

Чайлд Л.

Меч карающий / Л. Чайлд — «Автор», 1998

© Чайлд Л., 1998

© Автор, 1998

Содержание

От авторов	5
Пролог	7
1	10
2	18
3	23
4	30
5	34
6	37
7	39
8	43
9	51
10	55
11	58
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Меч карающий

От авторов

Мы бесконечно признательны одному из самых замечательных докторов штата Мэн, Дэвиду Престону, за неоценимую помощь в работе, связанную с вопросами медицины в «Мече карающем». Также благодарим наших агентов: Эрика Симонова и Линн Несбит из «Дженклоу & Несбит»; Мэттью Снайдера из «Си-Эй-Эй»; потрясающего редактора Бетси Митчелл; и, наконец, издателя Маурин Эджин из «Уорнер Букс».

Линкольн Чайльд: Я хотел бы поблагодарить Дениса Келли, Брюса Свансона, докторов медицины Ли Сукно и Брая Бенджамина, Бонни Мауэра, Шерифа Кейта, преподобного Роберта М. Дьячека, а также Джима Куша. В особенности признателен своей жене Люции за поддержку и строгую (а порой и суровую) критику черновиков четырёх романов последних пяти лет. Огромное спасибо родителям, с раннего детства привившим мне глубокую любовь к мореплаванию и солёной воде – любовь, которая продолжается по сию пору. Также хотел бы выразить признательность сомнительной компании столетия назад ушедших пиратов, изобретателей шифров и их взломщиков, шпионов и секретных агентов эпохи Елизаветы, – за то, что обеспечили колоритные прототипы и предоставили материал для «Меча карающего». Напоследок скажу долгожданное спасибо Тому МакКорнаку, бывшему начальнику и учителю, который с энтузиазмом и проницательностью обучал меня писательскому мастерству и редактированию текстов. *Nullum quod tetigit non ornavit.*

Дуглас Престон: Хотел бы выразить признательность Дж. П. Вилей-мл., главному редактору журнала "Smithsonian", и Дону Мосеру, редактору. Также благодарен своей жене Кристине за поддержку, и дочери Селене – за знакомство с рукописью и ценные замечания. Глубоко благодарен родителям, Дороти МакЭнн Престон и Джерому Престону-младшему – за то, что бережно хранят ферму «Зелёное пастбище» и присматривают за ней, так что мои дети и внуки смогут насладиться прототипом того самого места, что фигурирует в качестве вымышленных декораций «Меча карающего».

Мы заранее извиняемся перед особо придирчивыми критиками за то, что изменили черту берега и смело сдвинули острова и каналы. Не стоит даже пояснять, что Стормхавэн с его жителями и «Таласса» с сотрудниками выдуманы и существуют лишь в нашем воображении. Хотя у восточного побережья и можно найти несколько островов Рэгид, наш остров, описанный в романе (вместе с семьёй Хатч, которая им владеет), выдуман целиком и полностью.

Однако, некоторые читатели могут заметить взаимосвязь между историческими аспектами, с которых начинается «Меч карающий» и историей таинственным образом затопленной «Денежной шахты» острова Оак, в Новой Шотландии. Хотя данный роман – произведение фантастическое, именно тайна острова Оак, зачаровавшая нас ещё в начальной школе, явилась изначальным толчком к написанию романа. Дуглас Престон в своё время неделю провёл на острове Оак, собирая материал для статьи в журнал "Smithsonian", которая увидела свет в июне 1988-го года под заголовком «Охотники за сокровищами Смертельной ловушки последних двух столетий». Данная статья доступна на страничке авторов в интернете: <http://www.prestonchild.com>.

Такой денёк, всё залито ромом;

Наша компания ещё более-менее трезва;

Мы в замешательстве, чёрт побери!

Мошенники плетут заговор;

Большой спор о делёжке – так что я усиленно выбирал добычу;

Сегодня взяли одно, на борту чертовски много ликёра, так что команду надо разогреть, и разогреть серьёзно;

Затем всё снова пошло хорошо.

(из судового журнала Эдварда Тича, известного под кличкой «Чёрная Борода», ок. 1718)

Применение решений века двадцатого к проблемам века семнадцатого даёт либо совершеннейший успех, либо полный хаос; промежутка нет.

(Доктор Орвилль Хорн)

Пролог

Однажды в июне 1790-го года рыбак Симон Руттер из штата Мэн ловил треску и попал в шторм. Его плоскодонка была перегружена рыбой, он серьёзно сбился с курса и ему не оставалось ничего другого, кроме как направиться к скрытому в тумане острову Рэгид¹, расположенному в шести милях от побережья. Переживая ненастье, рыбак решил исследовать безлюдное место. В глубине острова, вдали от скалистых рифов, которым островок обязан своим названием, он обнаружил массивный старый дуб, с одной из нижних ветвей которого свисали старинный кильблок и такелаж. Прямо под деревом земля осыпалась во впадину. Хотя об острове было известно, что он незаселён, Руттер нашёл явное свидетельство, что кто-то побывал здесь много-много лет назад.

В нём проснулось любопытство, поэтому Руттер заручился поддержкой брата и однажды в воскресенье несколько недель спустя вернулся, на этот раз с киркой и лопатами. Обнаружив ту самую впадину, мужчины принялись копать. На глубине в пять футов инструменты ударились о площадку из дубовых чурбанов. Рыбаки подняли их и продолжили копать глубже, их любопытство лишь росло. К концу дня они достигли чуть ли не двадцати футов глубины, пройдя сквозь слои древесного угля и глины до очередной дубовой платформы. Братья вернулись домой, намереваясь возобновить раскопки после ежегодного гона макрели. Но неделю спустя брат Руттера утонул – его плоскодонка неожиданно перевернулась по непонятной причине. Яму временно оставили в покое.

Два года спустя Руттер и группа местных торговцев решили объединить усилия и ресурсы, чтобы вернуться к таинственному месту на острове Рэгид. Взявшись копать заново, они вскоре достигли ряда вертикальных тяжёлых дубовых балок и поперечных стропил, которые, как оказалось, ограждали засыпанную шахту. Точная информация о том, насколько глубокую яму раскопала эта группа, отсутствует, однако большинство оценок сходится на ста футах. Здесь инструменты ударили о плоский камень с выбитой на нём надписью:

Сначала ты станешь Лгать,
Проклятый, ты будешь Рыдать,
А худшее, ты должен Умереть

Камень сдвинули с места и подняли на поверхность. Впоследствии появились теории о том, что убрав камень, люди привели в действие некий механизм, поскольку спустя несколько мгновений, без какого бы то ни было предупреждения, в яму ворвалась морская вода и целиком её затопила. Все землекопы сумели спастись – все, кроме Симона Руттера. Водяной Колодец, как стали называть затопленную шахту, принял свою первую жертву.

О Водяном Колодце возникло множество легенд. Но наиболее вероятная гласила, что около 1695-го года знаменитый английский пират Эдвард Окхэм незадолго до своей таинственной смерти зарыл свои огромные сокровища у побережья штата Мэн. Шахта на острове Рэгид казалась вполне вероятным кандидатом. Вскоре после гибели Руттера начали ходить слухи, что сокровища проклято, и что любого, кто попытается его достать, постигнет та самая участь, которой грозил камень.

Было предпринято множество попыток осушить Водяной Колодец. В 1800-м году двое бывших партнёров Руттера организовали новую компанию и собрали средства для возведения второго туннеля, в двенадцати футах к югу от изначального колодца. Поначалу всё шло

¹ Рэгид (Ragged) – неровный, потрёпанный, изодранный (англ.) – прим. Пер.

хорошо, и на глубине ста футов они попытались прорыть горизонтальный проход под Водяной Колодец. Они планировали выйти к сокровищам из-под низу, но, как только туннель повернул к Колодцу, проход стал быстро заполняться водой. Мужчины едва сумели спастись.

В течение следующих тридцати лет Колодец оставался нетронутым. Затем, в 1831-м году, горный инженер по имени Ричард Паркхерст основал «Экспедиционную Компанию г. Бат по Спасению Имущества». Паркхерст сумел собрать ценную информацию о предыдущих попытках. Он взялся за устье Водяного Колодца, установил большой паровой насос. Вскоре стало ясно, что выкачать морскую воду не удаётся. Не падая духом, инженер доставил на место примитивный бур для выработки угля. Этот бур он установил прямо над Колодцем. Инструмент легко проник намного глубже, чем во всех предыдущих случаях, и пробил доски на глубине целых ста семидесяти футов, после чего столкнулся с чем-то непреодолимым. Когда бур подняли, в разломанном острие нашли застрявшие кусочки железа и ржавчину. В резьбе также обнаружили шпатлёвку, цемент и значительное количество волокон. Последние проанализировали и выяснили, что это «манильская пенька», то есть волокна кокоса. Это растение, которое встречается лишь в тропиках, обычно использовали на кораблях для крепления груза. Вскоре после этого открытия «Экспедиционная Компания г. Бат по Спасению Имущества» обанкротилась и Паркхерсту пришлось покинуть остров.

В 1840-м году была основана «Бостонская Экспедиционная Компания по Спасению Имущества», которая взялась за раскопки третьей шахты в окрестностях Водяного Колодца. На глубине всего лишь шестидесяти шести футов участники экспедиции неожиданно пробили старый боковой туннель, который, как оказалось, отходил от изначального Колодца. Их собственная шахта моментально заполнилась водой и затем обрушилась.

Не унывая, предприниматели прорыли ещё одну очень большую шахту в тридцати ярдах в сторону. Эта шахта получила название Бостонской. В отличие от ранее вырытых туннелей, Бостонская Шахта была не вертикальной, а наклонной. Столкнувшись со скальными породами на глубине семидесяти футов, они сменили направление, ценой огромных затрат уйдя вниз ещё на пятьдесят футов с помощью буров и пороха. Затем прорыли горизонтальный проход под предполагаемым дном изначального Водяного Колодца, где обнаружили сруб и продолжение засыпанного ствола шахты. Взмолнованные, они принялись рыть дальше вниз, очищая старую шахту. На глубине в 130 футов встретили очередную платформу, которую оставили нетронутой, и принялись обсуждать, поднимать её или нет. Но в ту же ночь лагерь был разбужен оглушительным грохотом. Землекопы подбежали ближе и увидели, что основание Водяного Колодца провалилось в новый туннель с такой силой, что вода и грязь взлетели на тридцать футов над землёй. Среди этой грязи нашли грубый металлический болт, похожий на те, которыми подбивали углы матросских сундуков.

В течение следующих двадцати лет в попытках добраться до сокровищ прорыли ещё с дюжину шахт, но все они в конце концов оказывались затопленными или разрушенными. Обанкротились ещё четыре компании. В некоторых случаях землекопы начинали утверждать, что затопление – не случайность, и что создатели Водяного Колодца специально работали дьявольский механизм, чтобы затопить любые боковые шахты, которые только можно выкопать.

Гражданская война дала передышку попыткам достать сокровища. Затем, в 1869-м году, новая компания получила право вести на острове раскопки. Мастер по горным работам, Ф. К. Вренс, отметил, что уровень воды в Колодце поднимается с приливами и опускается с отливами. Он выдвинул теорию, что и сам Колодец, и его водяные ловушки должны быть связаны с морем искусственным туннелем. Если этот туннель найти и запечатать, Колодец можно будет осушить и спокойно достать сокровища. В общем и целом Вренс вырыл на различных глубинах более двенадцати пробных шахт поблизости от Водяного Колодца. Многие из этих шахт встретились с горизонтальными туннелями и расселинами в скалах, и их под-

рывали динамитом в попытках остановить доступ воды. Тем не менее, ни одного туннеля, ведущего к морю, найдено не было, и Водяной Колодец так и остался затопленным. Компания исчерпала свои средства и, подобно предшественникам, бросила оборудование тихо ржаветь на морском воздухе.

В начале 1880-х годов консорциум промышленников из Канады и Англии основал компанию «Золотоискатели, Лтд.». На остров доставили мощные насосы и новый тип бура, наряду с паровыми котлами, чтобы привести их в действие. Компания попыталась пробурить несколько отверстий в Водяном Колодце. 23-го августа 1883-го года охотники за сокровищами в конце концов добились до плотного слоя грязи. Пройдя глубже, сверло ударилось о ту самую железную пластину, которая пятьдесят лет назад вышла победителем в схватке со сверлом Паркхерста. На острие приладили новый алмазный наконечник, паровые котлы запустили в полную силу. На этот раз сверло пробурило железо и вошло в массивный слой более мягкого металла. Когда острие вытащили, в резьбе нашли длинную тяжёлую спираль из чистого золота, а ещё полусгнивший обрывок пергамента с двумя неполными фразами: «иёлк, канарское вино, слоновая кость» и «Джон Хайд гниёт на виселице Дентфорда».

Спустя полчаса после находки один из огромных котлов взорвался, убив кочегара-ирландца и сравняв с землёй множество строений компании. Тринадцать человек были ранены, а один из директоров, Эзекиель Харрис, навсегда ослеп. «Золотоискатели, Лтд.» последовала примеру предшественников и обанкротилась.

На рубеже девятнадцатого и двадцатого столетий счастья с Водяным Колодцем пытались ещё три компании. Не сумев повторить открытия «Золотоискателей, Лтд.», они использовали насосы нового типа, наряду с подрывом расставленных случайным образом подводных зарядов. Последними пытались запечатать пропитанный водой остров, первыми – выкачать воду. Работая на полную мощность, насосы сумели понизить уровень воды в некоторых из центральных шахт на двадцать футов во время отлива. Землекопы, отправленные вниз для изучения состояния колодцев, жаловались на ядовитые газы; нескольким стало плохо, и их пришлось вытащить на поверхность.

В начале сентября 1907-го года, во время работы последней из этих трёх компаний, заряд взорвался преждевременно, и один из рабочих потерял руку и обе ноги. Два дня спустя на побережье налетел жестокий «северо-восточник» и вывел из строя главный насос. Работы пришлось остановить.

Хотя никакие компании больше не решались взяться за дело, диггеры-одиночки и энтузиасты по-прежнему время от времени продолжали пытаться счастья в пробных туннелях. К тому времени изначальное расположение Водяного Колодца затерялось меж бесчисленных затопленных боковых шахт, подкопов и туннелей, что изрешили весь центр острова. В конце концов, остров оставили на произвол травы и черёмухи, а сама поверхность его оказалась нестабильной и опасной, и городские жители избегали там появляться. Но в 1940-м году Альфред Вестгэйт Хатч-старший, юный и богатый нью-йоркский финансист, на летние каникулы привёз семью в штат Мэн. Он услышал про остров и, заинтригованный, изучил его историю. Документация зияла пробелами: ни одна из компаний не заботилась о том, чтобы вести подробные записи. Шестью годами позже Хатч купил остров у земельного спекулянта и перевёз семью в Стормхавэн.

Как и многие другие до него, А. В. Хатч-старший стал одержим Водяным Колодцем, и точно так же это его погубило. В течение двух лет финансы семьи подошли к концу, и ему пришлось объявить себя банкротом; Хатч начал пить и вскоре умер, оставив девятнадцатилетнего А. В. Хатча-младшего единственной опорой семьи.

1

Июль 1971-го года

Малин Хатч устал от лета. Всё утро они с Джонни были заняты тем, что швыряли камнями в осиное гнездо в старом доме. Это было весело. Но сейчас делать больше нечего. Только-только пробило одиннадцать, но он уже съел те два бутерброда с арахисовым маслом и бананами, которые мама приготовила ему на обед. И вот Малин уселся на плавучий док напротив их дома, положил ногу на ногу и уставился в море, надеясь увидеть на горизонте линейный корабль с клубами дыма. Пожалуй, подошёл бы даже большой нефтяной танкер. Может быть, он направится к одному из дальних островов, обойдёт вокруг него и взорвётся. Вот это было бы здорово!

Брат вышел из дома, его шаги застучали по деревянной дорожке, ведущей к доку. Он прижал к шее кусочек льда.

– Надеюсь, тебе уже лучше, – сказал Малин, втайне довольный тем, что сам избежал укуса, а его старший (и, предположительно, более мудрый) брат – нет.

– Ты просто не подошёл поближе, – заметил Джонни, дожёвывая остатки бутерброда. – Трусишка.

– Я стоял так же близко, как и ты!

– Ага, конечно!... Всё, что могли рассмотреть пчёлы – твою тощую спину, которая улепёвывала со всех ног, – ответил тот, фыркая и швыряя кусочек льда в воду.

– Нет, сэр! Я стоял прямо там.

Джонни тоже шлёпнулся на доски, бросая ранец рядом.

– Но всё же мы неплохо их отделали, этих пчёл! Правда, Мал? – сказал он, указательным пальцем ощупывая воспалённый участок кожи на шее.

– Ещё бы!

Они помолчали. Малин бросил взгляд через бухту на острова залива: Хермит, Рек, Олд-Хамп, Киллик-Стоун. И, далеко за ними, – голубые очертания острова Рэгид, которые то появлялись, то снова исчезали в упрямом тумане, который не уходил даже в такой прекрасный день в середине лета. За островами лежал открытый океан, по словам отца «спокойный, как запруда у мельницы».

Утомлённый мальчик швырнул в воду камешек и без всякого интереса пронаблюдал за разбегающейся рябью. Малин едва ли не пожалел, что не поехал с родителями в город. По крайней мере, там бы ему нашлось чем заняться. Он хотел бы быть где угодно – в Бостоне, в Нью-Йорке, – но только не в Мэне.

– Ты бывал в Нью-Йорке, Джонни? – спросил он.

Джонни с серьёзным видом кивнул.

– Один раз. Ещё до того, как ты родился.

«Какая ложь!» – подумал Малин. Будто Джонни может помнить всё, что случилось, когда ему было меньше двух лет!... Но если произнести это вслух, можно получить затрещину.

Взгляд Малина упал на небольшую моторку, привязанную к оконечности дока. И у него внезапно появилась идея. По-настоящему классная идея.

– Давай сплавим на ней, – сказал он, понизив голос и кивнув на лодку.

– Ты с ума сошёл, – ответил Джонни. – Папа нас выпорет.

– Да ладно тебе! – произнёс Малин. – После магазина они обедают у Хастингса. Их не будет до трёх, а может, до четырёх. Кто узнает?

– Лишь весь город, и никто больше. Они увидят, как мы катаемся.

– Никто не будет смотреть, – сказал Малин.

И затем опрометчиво добавил:

– Ну, и кто из нас трусишка?

Но Джонни, казалось, пропустил эту вольность мимо ушей. Его взгляд оставался прикованным к лодке.

– И в какое такое интересное место ты хочешь, чтобы мы отправились? – спросил он.

Несмотря на то, что рядом никого не было, Малин сказал ещё тише:

– Остров Рэгид.

Джонни повернулся к нему.

– Отец нас убьёт, – прошептал он.

– Не убьёт, если мы найдём сокровище.

– Там нет сокровищ, – презрительно сказал Джонни, но без особого убеждения. – В любом случае, там опасно – со всеми этими ямами.

Малин знал о брате достаточно, чтобы почувствовать в голосе знакомую нотку: Джонни заинтересован. Малин ничего не ответил, позволяя скучному утреннему одиночеству убеждать брата вместо него.

Неожиданно Джонни поднялся и направился к оконечности дока. Малин ждал, его охватила дрожь предвкушения. Когда брат вернулся, в каждой его руке оказался спасательный жилет.

– Когда причалим, мы не пойдём дальше, чем скалы у берега, – сказал Джонни. – Понял?

Тон голоса был намеренно резким, неприветливым, будто он хотел напомнить Малину, что одна хорошая идея ничуть не изменила баланса сил.

Малин кивнул и схватился рукой за планшир. Джонни в это время стал забрасывать в лодку ранец и спасательные жилеты. Малин никак не мог понять, почему же они никогда не думали об этой поездке раньше. Ни один из них ни разу не был на острове Рэгид. К тому же Малин не знал в Стормхавэне ни одного ребёнка, который бы там побывал. О, ему будет о чём рассказать друзьям!

– Садись на нос, – сказал Джонни. – А я буду править лодкой.

Малин наблюдал, как Джонни вертит в руках рычаг скоростей, открывает задвижку, накачивает газовый баллон, а затем дёргает за шнур стартера. Двигатель кашлянул, затем смолк. Джонни дёрнул ещё раз, затем ещё.

Остров Рэгид лежал в шести милях от берега, но Малин подсчитал, что по такому гладкому морю они могут доплыть туда за полчаса. Почти наступил прилив – как раз то время, когда сильные течения вокруг острова останавливаются, прежде чем поменять направление.

Джонни с красным лицом отдышался, а затем снова вернулся к стартеру для решающего рывка. Двигатель взревел.

– Поплыли! – крикнул он.

Как только трос отцепили, Джонни передвинул рычаг до упора, и маленький восемнадцатисильный мотор завизжал от напряжения. Лодка отчалила от дока и направилась мимо Бридс-Поинт в залив, а ветер и брызги принялись восхитительно жалить Малина в лицо.

Они плыли по океану, оставляя за собой пенистый след. Неделю назад прошёл суровый шторм, который, как всегда, очистил поверхность, и вода так и осталась чистой. Теперь Олд-Хамп оказался по правому борту – низкий лысый бугор из гранита, покрытый полосами птичьего гуано и окаймлённый тёмными водорослями. Когда лодка с жужжанием проплывала по проливу, бесчисленные чайки, сидящие на скалах на одной ноге, поднимали голову и провожали их ярко-жёлтыми глазами. Пара чаек взмыли в небо, а затем описали круг, издавая крики одиночества и отчаяния.

– Классная же идея, – сказал Малин. – Ведь правда, Джонни?

– Может быть, – ответил тот. – Но учти – если нас поймают, это была твоя идея!

Несмотря на то, что остров Рэгид находился во владении их отца, им было строго-настроено запрещено там появляться. Так было всегда, сколько помнил Малин. Отец ненавидел

это место и никогда о нём не говорил. По школе ходили легенды, что бесчисленное множество людей погибло на острове, пытаясь откопать сокровище, что место проклято, что там бродят призраки. За долгие-долгие годы на острове вырыли столько колодцев и шахт, что по нему страшно ходить – он всегда готов проглотить неосмотрительного гостя. Малин даже слышал о Проклятом Камне. Его нашли в Колодце много лет назад, и сейчас, как считают, он хранится в особом помещении глубоко под церковью, крепко-накрепко запертый под замком, потому что это работа дьявола. Как-то Джонни сказал ему, что когда дети в воскресной школе очень плохо себя ведут, их запирают в склепе с Проклятым Камнем. От возбуждения по коже снова побежали мурашки.

Теперь остров встал прямо перед ними, обёрнутый лохмотьями тумана. Зимой или в дождливые дни этот туман превращается в удушающе плотный кисель. В ясные солнечные дни, наподобие этого, он больше походит на полупрозрачную сахарную вату. Однажды Джонни пытался было объяснить, что туман вызывают течения вокруг острова, но Малин не понял объяснений и лишь уверился, что брат и сам их не понимает.

Туман оказался рядом с носом лодки, и они внезапно очутились в странном сумеречном мире, звук мотора стал глуше. Джонни почти непроизвольно замедлил ход. Затем они миновали самую плотную часть тумана, и вот Малин уже разглядел впереди очертания выступов самого острова Рэгид. Их резкие, покрытые водорослями бока смягчались туманом.

Они подружили к низкой части выступов. Туман на уровне моря рассеялся, и Малин увидел зеленоватые верхушки зазубренных подводных камней, покрытых колышущимися водорослями; именно те, которые рыбаки так опасаются во время отлива или густого тумана. Но сейчас, во время прилива, лёгкая моторка проскользнула меж камней безо всяких проблем. После недолгих препирательств, кому суждено намочить ноги, они причалили к усеянному валунами берегу. Малин с фалинем² выпрыгнул из лодки и подтянул её выше, чувствуя, как в кедах хлупает вода.

Джонни вылез из лодки на сушу.

– Неплохо, – произнёс он, устремляя взгляд в глубь острова, и забросил рюкзак на плечи.

Сразу за каменистым берегом пошли заросли травы и черёмухи. Всё освещал жуткий серебристый свет, пронзающий крышу тумана, что до сих пор нависал над головой. Над травой поднимался покрытый огромными заклёпками и проржавевший до глубокого оранжевого цвета необъятный железный котёл высотой не меньше десяти футов. По одной его стороне спускалась неровная трещина, края которой расходились в стороны. Верхняя часть котла скрывалась в низко стелющемся тумане.

– Спорим, этот котёл взорвался, – сказал Джонни.

– Спорим, он кого-то убил! – радостно добавил Малин.

– Спорим, он убил двоих!

Каменистый пляж закончился у выступа в море, гранитные бока которого оказались покрыты складками, отполированными волнами. Малин знал, что рыбаки, которые плавают по проливу острова Рэгид, называют такие камни «спинами китов». Он вскарабкался на ближайшую из этих «спин» и выпрямился во весь рост, пытаясь поверх уступов заглянуть в глубь острова.

– А ну-ка, слезь! – крикнул Джонни. – Думаешь, в этом тумане можно что-нибудь рассмотреть? Придурок.

– Надо попробовать, чтобы узнать... – начал было Малин, слезая вниз и получая братский подзатыльник за неправильное поведение.

– Держись за мной, – сказал Джонни. – Мы обойдём вокруг берега, и потом – назад.

² фалинь – пеньковый трос. – прим. пер.

Он быстро зашагал вдоль подножья уступов, его загорелые ноги в тусклом свете казались шоколадными. Малин, глубоко опечаленный, направился следом. Ведь это его идея, приплыть сюда! Но Джонни всегда берёт верх.

– Эй! – воскликнул Джонни. – Ты только глянь!

Он наклонился и поднял нечто белое и длинное.

– Это кость, – добавил он.

– Нет, не кость, – ответил Малин, всё ещё дуясь.

Это же его идея, приплыть на остров. И именно он должен был её найти!

– Нет, кость. И спорим, она человеческая! – продолжил Джонни, размахивая ей взад-вперёд, словно бейсбольной битой. – Это кость ноги того, кто погиб, пытаясь достать сокровища. Или пирата, может быть. Я возьму её домой и спрячу под кровать.

Любопытство Малина взяло верх над раздражением.

– Дай глянуть, – сказал он.

Джонни подал кость ему. Та оказалось неожиданно тяжёлой и холодной, к тому же от неё воняло.

– Ох! – сказал Малин, торопливо возвращая кость брату.

– Может быть, где-то рядом лежит череп, – произнёс в ответ Джонни.

Они порыскали среди камней, но не нашли ничего, кроме дохлого налима с вытаращенными глазами. Пока ходили вокруг да около, в поле зрения попала потерпевшая крушение баржа, брошенная во время одной из бесчисленных попыток найти сокровища. Теперь судно покоилось на отметке, оставленной приливом – искореженная, брошенная на камни, разбитая десятилетиями штормов.

– Ты только глянь! – с неподдельным интересом сказал Джонни.

Они вскарабкались на накренившуюся неровную палубу. Со всех сторон заржавленные кусочки металла, труб, сломанных приборов и уродливые спутанные мотки кабелей и проволоки. Малин принялся внимательно осматривать старый хлам, пытаясь не упустить отблеска пиратского дублона. Он представил себе пирата, Рэд-Неда Окхэма, который был настолько богат, что, наверное, разбросал по всему острову множество дублонов. Рэд-Неда, который, поговаривают, захоронил на острове миллионы и миллионы золотых монет и ещё оружие, которое называют «Мечом Святого Михаила», украшенное драгоценными камнями и настолько страшное, что убивает любого, кто просто на него посмотрит. Говорили, что однажды Рэд-Нед отрезал мужчине уши и использовал их, чтобы принимать ставки при игре в кости. Шести-классница по имени Синди как-то сказала, что на самом деле Рэд-Нед отрезал мужчине яйца, но Малин ей не поверил. А один раз Рэд-Нед напился и рассёк мужчину надвое, а затем бросил за борт и волочил на буксире из кишок, пока того не съели акулы. О, школьники знали много историй о Рэд-Неде!

Когда баржа ему надоела, Джонни махнул Малину рукой, чтобы тот следовал за ним вдоль скал, рассыпанных у подножья утёсов с наветренной стороны острова. Здесь над ними нависла высокая грязная насыпь, из которой, подобно длинным кривым пальцам, горизонтально торчали корни давным-давно погибших елей. Вершина насыпи затерялась в стелющемся тумане, а некоторые из уступов обвалились, став жертвами штормов, которые каждую осень обрушиваются на остров.

В тени уступов оказалось прохладно, и Малин заторопился дальше. Джонни, взволнованный находками, ушёл вперёд, позабыв про собственные предупреждения, гигакая и размахивая старой костью. Малин знал, что мама выбросит её в океан тут же, как только найдёт.

Джонни ненадолго остановился, чтобы порыться среди рухляди, выброшенной на берег: в старых буйках рыбаков, в порванных сетях, в кусках побитых непогодой досок. Затем направился к рухляди поновее, дальше вдоль уступов. Часть берега недавно обрушилась, рассыпав

по каменистому пляжу грязь и валуны. Джонни легко перемахнул через них, а затем исчез из поля зрения.

Теперь Малин пошёл быстрее: ему вовсе не понравилось, что Джонни пропал из вида. Почувствовалось дуновение ветра; до того, как они окунулись в туман острова Рэгид, стоял солнечный день, но теперь всё могло измениться. Бриз холодный, как если бы собирается непогода, а волны ещё сильнее замолотили о берег. Наверное, прилив сменяется отливом. Может быть, им лучше вернуться.

Внезапно раздался резкий, громкий крик, и на какой-то миг Малин испугался, что Джонни поранился на скользких камнях. Но затем крик донёсся снова – настойчивые призывы, – и Малин заторопился вперёд, принялся взбираться на упавшие камни, заворачивая вместе с изгибом берега. И вот перед ним оказался накренившийся под диким углом огромный гранитный валун, лишь недавно сдвинутый с берега одним из последних штормов. А с его дальней стороны стоял Джонни с широко распахнутыми изумлёнными глазами, указывая на что-то рукой.

Поначалу Малин не мог вымолвить не слова. Сдвинувшись с места, валун приоткрыл вход в туннель у подножия отвесного берега, оставляя ровно столько места, чтобы туда можно было пролезть. Из отверстия донесли дуновения затхлого холодного воздуха.

– Вот это да! – воскликнул Малин, подбегая к обрыву.

– Я его нашёл! – заорал Джонни, запыхавшись от волнения. – Могу поспорить на что угодно: сокровище здесь. Посмотри, Малин!

– Это была моя идея, – произнёс тот, снова повернувшись к нему.

Джонни, подмигнув, встретил его взгляд.

– Может быть, может быть, – промолвил он, снимая с плеч ранец. – Но его нашёл я. И я взял с собой спички.

Малин изучающе наклонился к туннелю. В глубине души он верил отцу, когда тот говорил, что сокровищ острова Рэгид нет и никогда не было. Но теперь он был в этом не так уверен. Может ли быть, что папа ошибался?

Затем мальчик быстро отстранился, поморщив нос от затхлого запаха.

– В чём дело? – спросил Джонни. – Испугался?

– Нет, – негромко ответил Малин.

Отверстие показалось таким тёмным и мрачным.

– Я иду первым, – сказал Джонни. – А ты идёшь за мной. И уж постарайся не потеряться.

Отшвырнув свою бесценную кость в сторону, он опустил на колени и, извиваясь, пролез в туннель. Малин тоже опустил на колени, а затем помедлил. Земля под ним оказалась твёрдой и холодной. Но Джонни уже исчез из вида, и Малину не улыбалось оставаться брошенным на покинутом, туманном берегу. И он прополз в отверстие вслед за братом.

Раздалось чирканье спички, и Малин невольно вдохнул полную грудь воздуха, поднимаясь на ноги. Он оказался в небольшом вестибюле, крышу и стены которого поддерживали древние брусья. Узкий туннель впереди вёл в темноту.

– Мы разделим сокровище поровну, – очень серьёзно сказал Джонни, таким голосом, которого Малин дотол не слышал ни разу. Затем он сделал нечто ещё более удивительное: повернулся и с искренней торжественностью пожал Малину руку. – Я и ты, Мал, равные партнёры.

Тот сглотнул, чувствуя себя немного лучше.

Спичка догорела, как только они сделали ещё шаг вперёд. Джонни остановился, и Малин услышал чирканье новой спички, после чего возник слабенький огонёк. Кепку на голове брата, с надписью «Ред-Сокс», окружил ореол света. Неожиданно поток грязи и гальки застучал по брусьям, рассыпаясь по каменному полу.

– Не касайся стен, – прошептал Джонни. – И не шуми, не то всё может обрушиться.

Малин ничего не ответил, но безотчётно придвинулся ближе к брату.

– И не иди так близко! – прошипел Джонни.

Они прошагали вниз по спуску, затем Джонни вскрикнул и отдернул руку. Свет погас, погружая их во тьму.

– Джонни?! – вскрикнул Малин. На него нахлынула паника, и он потянулся, чтобы схватить брата за руку. – А как насчёт проклятья?

– Да ладно тебе, никакого проклятья нет, – презрительно прошептал Джонни.

Очередное чирканье, и снова вспыхнула спичка.

– Не волнуйся. У меня не меньше сорока спичек. А ещё... – продолжил Джонни и залез в карман, после чего повернулся к Малину, сжимая меж пальцами большую скрепку. С одного конца закрепил горящую спичку. – Что скажешь? Никаких тебе обожжённых пальцев.

Туннель мало-помалу свернул влево, и Малин отметил, что добавляющее уверенности и сил серповидное пятнышко света от входа в туннель исчезло.

– Может быть, вернёмся и возьмём фонарик? – спросил он.

Внезапно раздался жуткий звук – глухой стон, который, казалось, возник в самом сердце острова и заполнил узкую полость.

– Джонни! – крикнул Малин, снова хватая брата за руку.

Стон превратился в глубокий вздох, и новая струйка грязи полилась с балок над головой.

Джонни отдернул руку.

– Боже, Малин. Всего-навсего прилив сменяется отливом. Он всегда делает такой шум в Водяном Колодце. И потише, я сказал!

– Откуда ты знаешь? – спросил Малин.

– Это все знают.

Новый стон и бульканье, за которым раздался громкий треск балок, но и он медленно стих. Малин прикусил губу, чтобы та не дрожала.

Несколько спичек спустя туннель повернул под тупым углом и принялся спускаться более круто. Стены здесь оказались ниже и грубее.

Джонни осветил спичкой проход.

– Вот оно, – сказал он. – Комната с сокровищами лежит внизу.

– Я не знаю, – сказал Малин. – Может быть, нам лучше вернуться и привести папу?

– Ты что, шутишь? – прошипел Джонни. – Он это место *терпеть не может*. Мы скажем папе после того, как найдём сокровище.

Он зажёл очередную спичку, затем опустил голову в узкий туннель. Малин увидел, что этот проход не более четырёх футов в высоту. Потрескавшиеся валуны поддерживали изъеденные червями брусья на потолке. Запах перегноя здесь оказался ещё сильнее, смешанный с запахом морских водорослей и еле заметной примесью чего-то более неприятного.

– Нам придётся ползти, – пробормотал Джонни, на этот раз в голосе прозвучала неуверенность.

Он помедлил, и какой-то миг Малин ещё продолжал надеяться, что сейчас они повернут обратно. А затем Джонни выпрямил один конец скрепки и зажал его меж зубов. Колыхающиеся тени, отброшенные спичкой, придали лицу омерзительный тощий вид.

Это оказалось последней каплей.

– Я дальше не пойду, – заявил Малин.

– Замечательно, – сказал Джонни. – Можешь оставаться здесь, в темноте.

– Нет! – громко всхлипнул Малин. – Папа нас убьёт. Джонни, пожалуйста!...

– Когда он узнает, какие мы богачи, он будет слишком счастлив, чтобы сердиться. Ему не придётся давать нам два доллара в неделю.

Малин шмыгнул носом и затем вытер его.

Джонни повернулся к узкому лазу и тесно прижался к Малину.

– Эй, – прошептал он, и его голос зазвучал мягче. – Если мы сдрейфим сейчас, у нас может никогда не оказаться ещё одного шанса. Поэтому будь другом, а? Хорошо, Мал?

Он взъерошил ему волосы.

– Ладно, – шмыгнув, ответил Малин.

Опустившись на четвереньки, он последовал за братом вниз по туннелю. Галька и гравий, лежащие на полу, врезались в ладони. Казалось, Джонни сжёг невероятное количество спичек, и Малин почти набрался храбрости спросить, сколько осталось, как тот внезапно остановился.

– Там, впереди, что-то есть, – услышал Малин его шёпот.

Малин попытался заглянуть за плечо брата, но туннель оказался для этого слишком узок.

– Что там?

– Это дверь! – внезапно прошипел Джонни. – Клянусь, это старая дверь!

Потолок изогнулся, образуя перед ним узкий вестибюль, и Малин отчаянно изогнулся, сиюсь рассмотреть. И точно: ряд толстых досок с двумя старыми металлическими петлями, установленный в каркасе туннеля. Крупные глыбы обтёсанного камня с обеих сторон. И на всём – слой влаги и перегноя. Края двери проконопачены чем-то, похожим на паклю.

– Ты только посмотри! – воскликнул Джонни, взволнованно указывая на неё.

На двери – затейливая рельефная печать из воска и бумаги. Несмотря на слой пыли, Джонни ясно различил, что печать не сломана.

– Опечатанная дверь! – благоговейно прошептал Джонни. – Точь-в-точь как в книгах!

Малин уставился на неё, будто во сне – во сне, одновременно восхитительном и ужасающем. Они и в самом деле нашли сокровище. И всё это – его идея.

Джонни ухватился за старинную железную ручку и пытливо дёрнул её. Раздался резкий протестующий треск петель.

– Слышишь? – выпалил он. – Не заперта. Всё, что надо сделать – сломать печать.

Затем Джонни с широко распахнутыми глазами повернулся и подал Малину спичечный коробок.

– Ты будешь поджигать спички, когда я возьмусь за дверь. И отойди немного, хорошо?

Малин уставился в коробок.

– Но здесь осталось только пять! – в ужасе воскликнул он.

– Просто заткнись и делай, что говорю. Мы можем вернуться и в темноте – клянусь, можем!

Малин чиркнул спичкой, но его руки тряслись, и та погасла. *Осталось лишь четыре*, – подумал он, в то время как Джонни пробормотал что-то неразборчивое. Следующая спичка зажглась, и Джонни опустил на железную ручку обе руки.

– Готов? – прошипел он, уперев ноги в земляной пол.

Малин раскрыл было рот, чтобы возразить, но Джонни уже потянул дверь на себя. Печать резко разломилась, и дверь отворилась с таким скрипом, от которого Малин подпрыгнул. Дуновение вонючего воздуха задуло спичку. В крошечной тьме Малин услышал резкий вдох брата. Затем Джонни выкрикнул «Оу!», но голос показался таким сдавленным, таким высоким, что совсем не походил на обычный. Малин услышал тяжёлый удар, и пол туннеля яростно затрясся. Грязь и песок заструились вниз в темноте, засыпая его глаза и нос, и ему показалось, что он услышал ещё один звук: странный, задыхающийся, настолько короткий, что его можно было принять чуть ли не за кашель.

А затем сопящий, капающий шум, будто сжимают влажную губку.

– Джонни! – вскрикнул Малин, поднимая руки, чтобы стереть с лица грязь, обронив при этом спичечный коробок.

Здесь было настолько темно, и всё пошло неправильно настолько внезапно, что его захлестнула паника. Из подступившей живой тьмы возник ещё один звук, низкий и приглу-

шённый. Малину потребовалась секунда, чтобы сообразить: что-то мягко и упорно волочат по полу...

В следующий миг чары оказались сняты, и он в кромешной тьме принялся лазить по полу на четвереньках, шаря по сторонам в поисках спичек и продолжая выкрикивать имя брата. Одной рукой Малин задел что-то влажное и отшвырнул в сторону, в то же время другая его рука нащупала спичечный коробок. Поднявшись на колени, задыхаясь от рыданий, мальчик вытянул спичку и яростно чиркал ею, пока та не загорелась.

Во внезапно наступившем свете принялся дико озираться. Джонни исчез. Печать сломана, дверь открыта, – но за ней ничего, кроме глухой каменной стены. В воздухе висела пыль.

Затем влага коснулась его ног, и он бросил взгляд вниз. На том месте, где только что стоял Джонни, растеклась большая чёрная лужа воды, потихоньку подбираясь к его коленям. На какой-то миг Малин подумал, что, быть может, где-то в туннеле есть трещина, и это протекает вода с моря. Затем увидел, что лужа в мерцании спички слегка дымится. Потянувшись вперёд, Малин понял, что она не чёрная, а красная: кровь, невероятное количество. Малин никогда не думал, что в теле может быть столько крови. Словно парализованный, он продолжал смотреть, как во все стороны растекается лоснящаяся лужица, разбегаясь по завитушкам впадин на полу, заполняет трещинки, заливается во влажные кеды, окружая его наподобие алого паука, пока спичка с резким шипением не упала в неё, и вокруг снова не опустилась мгла.

2

Кембридж, Массачусетс. Начало 2000-х

Окна небольшой лаборатории, расположенной в пристройке госпиталя города Маунт-Оберн, выглядели поверх густо усыпанных листьями верхушек клёнов на медленные, ленивые воды реки Чарльз. Гребец в спортивной иглоподобной лодке разрезал воду мощными толчками, оставляя в кильватере поблёскивающий след. Малин Хатч наблюдал за всем этим, на какой-то миг поглощённый восхитительно синхронными движениями тела, лодки и воды.

– Доктор Хатч? – донёсся до него голос лаборанта, очевидно, заметившего пиканье инкубатора. – Колонии готовы.

Хатч отвернулся от окна. Грёзы прерваны, и он подавил порыв раздражения на лаборанта.

– Ну что же, вытаскивай первый ярус. Посмотрим, что случилось с крохотными мерзавцами, – сказал он.

В своей обычной нервной манере Брюс открыл инкубатор и вытянул большой поднос с чашками Петри, в которых развивались пятна колоний, похожие на монетки, разложенные по центру каждой из чашек. Относительно безвредные бактерии, не требующие особых мер предосторожности, кроме обычных процедур стерилизации – но Хатч с тревогой смотрел, как лаборант помахивает подносом, чтобы в конце концов бухнуть его на автоклав.

– Знаешь, давай-ка поосторожней, – заметил Малин. – Иначе сегодня можешь и не попасть на вечеринку в Вовилле.

Брюс привёл поднос в шаткое равновесие на коробке с перчатками.

– Извините, – сонно сказал он, отступая на шаг и вытирая руки о халат.

Хатч привычно быстро осмотрел чашки. Ряды второй и третий – рост интенсивный, ряды первый и четвёртый – рост умеренный, а ряд пять – стерилен. Ему потребовался лишь миг, чтобы сообразить – эксперимент увенчался успехом. Всё работает, как он и предполагал; через месяц он напечатает очередную впечатляющую статью в «Журнале медицины Новой Англии», и все снова примутся обсуждать, что за восходящая звезда работает в их отделении.

Перспектива наполнила его невыразимым чувством пустоты.

Малин рассеянно повернул линзу, чтобы осмотреть колонии в общем. Доктор делал это настолько часто, что теперь мог идентифицировать пятна с одного взгляда, сравнивая структуру их поверхности и манеру, в которой те развиваются. Через несколько секунд он повернулся к столу, отодвинул клавиатуру в сторону и принялся вносить записи в лабораторный журнал.

Запикал интерком.

– Брюс? – пробормотал Хатч, продолжая писать.

Тот подпрыгнул, при этом уронив свой журнал на пол. А спустя минуту вернулся.

– Посетитель, – просто сказал он.

Хатч выпрямился. Посетители в лаборатории – редкое явление. Подобно большинству докторов, он держал в тайне расположение своей лаборатории и телефонный номер. Их знали лишь избранные.

– Если тебе не трудно, узнай, что ему надо, – попросил Хатч. – Если дело не срочное, пусть обратится в мой офис. Сегодня там по вызову работает доктор Винслоу.

Брюс снова удалился, и в лаборатории стало тихо. Взгляд Малина снова устремился за окно. Дневной свет струился в помещение, окуная пробирки и оборудование в золотые потоки. Усилий воли доктор заставил себя вернуться к записям.

– Это не пациент, – сказал Брюс, возвращаясь в лабораторию. – Он говорит, вы захотите его увидеть.

Хатч поднял на него взгляд. *Наверное, исследователь из госпиталя*, – подумал он. Доктор сделал глубокий вдох.

– Ладно. Пусть войдёт.

Через минуту за дверью лаборатории послышались шаги. Малин приподнял голову, чтобы увидеть худощавого человека, который посмотрел на него через порог. Лучи уже клонящегося к горизонту солнца в полную силу падали на мужчину, подчёркивая загорелую кожу, натянутую на приятном лице, и преломляясь в глубине пары серых глаз.

– Джерард Найдельман, – произнёс незнакомец низким, скрипучим голосом.

Такой загар он вряд ли мог получить в лаборатории или операционной, – подумал Хатч. – *Должно быть, узкий специалист, у которого много времени на гольф*.

– Пожалуйста, проходите, доктор Найдельман, – сказал он вслух.

– Капитан, – поправил его мужчина. – Не доктор.

Он перешагнул через порог и выпрямился во весь рост, и Хатч моментально понял, что это не просто звание. Один лишь взгляд на то, как он входит в дверь, слегка наклонив голову и держась за верхнюю часть косяка, выдал, что мужчина немалое время провёл в море. Хатч подумал, что тот не стар, возможно, ему лишь сорок пять. Владелец узких глаз и грубой кожи моряка. До крайности необычен, словно явился из другого мира. Капитана окружила аура суровой напряжённости, Малина это весьма заинтриговало.

Доктор представился, когда посетитель подошёл ближе и протянул руку для пожатия. Та оказалась сухой и лёгкой, а само пожатие – коротким и уверенным.

– Мы можем поговорить наедине? – негромко спросил капитан.

– Что мне делать с колониями, доктор Хатч? Их нельзя надолго оставлять на... – донёсся голос Брюса.

– Почему бы просто не поставить обратно в холодильник? Ноги у них не отрастут ещё как минимум пару миллиардов лет, – ответил Хатч, бросая взгляд на часы, а затем снова переводя его на немигающие глаза мужчины.

Он принял быстрое решение.

– А потом, Брюс, можешь отправляться домой. Я запишу, что ты ушёл в пять. Только не говори профессору Альварезу.

Брюс расплылся в улыбке.

– Хорошо, доктор Хатч. Спасибо.

Через какой-то миг и Брюс, и колонии исчезли. Хатч вернулся к интересному посетителю, который успел отойти к окну.

– Так значит, большую часть работы вы делаете здесь, доктор? – спросил тот, переключая кожаный портфель из одной руки в другую.

Мужчина настолько худ, что походил бы на привидение, не излучая он такую спокойную уверенность.

– Здесь я провожу чуть ли не всю жизнь.

– Красивый вид, – пробормотал Найдельман, продолжая смотреть за стекло.

Хатч посмотрел на его спину, слегка недоумевая от того, что неожиданный визит не вызвал раздражения. Он подумал было спросить капитана о цели визита, но решил этого не делать. Малин нутром почувствовал, что Найдельман явился не с рутинным вопросом.

– Воды Чарльза такие тёмные, – заметил капитан и продекламировал:

Далеко-далеко тихо плещет вода,
И струится поток неспешно
Это Лета течёт, то забвенья река
В ожидании душ наших грешных...

Он повернулся к Малину.

– Реки – символ забвения, не так ли?

– Я не помню, – непринуждённо ответил Хатч.

Но теперь в нём стало нарастать напряжение. Он продолжил выжидать.

Капитан улыбнулся и отошёл от окна.

– Должно быть, вы задаёте себе вопрос, по какому поводу я ворвался в вашу лабораторию. Можно ли попросить пару минут вашего терпения?

– А разве вы ещё не попросили? – спросил Хатч, указывая на пустой стул. – Садитесь. На сегодня я почти закончил, а этот важный эксперимент, над которым работал... – при этих словах доктор туманно махнул рукой в направлении инкубатора. – Он... как бы так лучше сказать... скучен.

Найдельман приподнял брови.

– Не такой волнующий, как борьба со вспышкой лихорадки денге в низинах Амазонки, думается мне.

– Да, не такой, – немного помолчав, согласился Хатч.

Мужчина улыбнулся.

– Я прочёл статью в «Глоуб».

– Журналисты никогда не учитывают факты, излагая историю. Всё было не так уж интересно, каким кажется на страницах журнала.

– Потому-то вы и вернулись?

– Я устал наблюдать, как пациенты умирают, потому лишь, что нет инъекции амоксициллина за пятьдесят центов, – ответил Хатч и фаталистически развёл руками. – Так что разве странно, что я решил вернуться сюда? Жизнь на аллее Памяти по сравнению с тем кажется заметно поспокойней.

Он резко умолк и бросил взгляд на Найдельмана, задавая себе вопрос – что именно в посетителе заставляет его болтать.

– Дальше в статье говорилось о ваших поездках в Сьерра-Леоне, на Мадагаскар и Каморские острова, – продолжил Найдельман. – Но, быть может, вам не повредило бы развеяться прямо сейчас?

– Не обращайтесь внимания на брызжания, – ответил Хатч лёгким, как он надеялся, тоном. – Немного скуки сейчас, немного скуки потом – это даёт душе отдых.

Он бросил взгляд на портфель Найдельмана. В коже выдавлен какой-то знак, но сейчас его не удавалось хорошенько рассмотреть.

– Может быть, – ответил капитан. – В любом случае, за последние двадцать пять лет вы исколесили всю планету. За исключением Стормхавэна, штат Мэн.

Хатч замер. Он почувствовал, как одеревенели пальцы, и это ощущение начало подниматься выше по рукам. Внезапно всё встало на свои места: все эти вопросы вокруг да около, морской опыт, напряжённый взгляд капитана.

Найдельман стоял очень спокойно, а его глаза ровно смотрели на Хатча. Он молчал.

– Ага, – произнёс доктор, стараясь сохранить хладнокровие. – И у вас, капитан, конечно же, имеется средство, чтобы разогнать тоску.

Найдельман чуть склонил голову.

– Дайте-ка мне предположить. А случаем, ваше появление не имеет отношения к острову Рэгид? – продолжил Хатч, и выражение лица посетителя подтвердило, что предположение верно. – И вы, капитан, охотник за сокровищами. Я прав?

Невозмутимость, чувство тихой самоуверенности, не покинуло лица последнего.

– Мы предпочитаем термин «специалист по изысканию», – ответил он.

– В наши дни для всех профессий имеются свои эвфемизмы. Специалист по изысканию. Звучит похоже на «инженер по санитарному оборудованию». Итак, вы хотите вести раскопки

на острове Рэгид. И я рискну предположить, что сейчас вы, и только вы, знаете секрет Водяного Колодца.

Найдельман спокойно стоял, продолжая молчать.

– Без сомнения, у вас имеется высокотехнологичная штукавина, которая покажет то место, где зарыто сокровище. Или, быть может, вы заручились поддержкой госпожи Сосострис, знаменитой ясновидящей?

Найдельман продолжил стоять.

– Я знаю, к вам обращались и раньше, – сказал он.

– Тогда вы знаете общую судьбу всех тех, кто ко мне обращался. Лозоходцы, экстрасенсы, нефтяные бароны, инженеры, кто угодно – и каждый со своей надёжной схемой.

– Может быть, в их схемах были изъяны, – ответил Найдельман. – Но в мечтах – нет. Я знаю о трагедиях, которые преследовали вашу семью после того, как ваш дед купил остров. Но он действовал из лучших побуждений. Там, внизу, зарыто огромное сокровище. Я это знаю.

– Ещё бы, конечно знаете. Все они знают. Но если вы думаете, что вы – реинкарнация самого Рэд-Неда, будет лишь честным предупредить, что такое я уже слышал от нескольких, которые присвоили себе эту честь. Или, быть может, вы купили одну из тех старых карт, что время от времени выставляют на продажу в Портленде? Капитан Найдельман, вера не может материализовать ничего. Никогда не было и никогда не будет никаких сокровищ острова Рэгид. Мне вас очень жаль, честно. А сейчас, может быть, вам следует уйти до того, как я вызову охранника – ох, прошу прощения, хотел сказать, *специалиста по безопасности*, – чтобы он проводил вас до выхода.

Не обращая на эту речь ни малейшего внимания, Найдельман пожал плечами, а затем наклонился к столу.

– А я и не прошу, чтобы вы принимали мои утверждения на веру.

В пожатии плеч было нечто настолько самоуверенное, настолько независимое, что Хатч почувствовал новый прилив ярости.

– Если бы вы только знали, сколько раз я слышал одну и ту же историю, вы постеснялись бы сюда прийти. Так чем же вы отличаетесь от остальных?

Найдельман залез в портфель, а затем толкнул в сторону доктора лист бумаги, который оттуда выудил.

Не притрагиваясь, Хатч посмотрел на документ. Упрощённый финансовый отчёт, заверенный нотариально, гласил, что компания «Таласса Холдингс, Инк.» набрала определённую сумму денег, чтобы организовать «Корпорацию по освоению острова Рэгид». И эта сумма – двадцать два миллиона долларов.

Хатч перевёл взгляд обратно на Найдельмана и рассмеялся.

– Вы хотите сказать, что набрались наглости собрать деньги, даже не спрашивая моего разрешения? Должно быть, у вас крайне уступчивые инвесторы.

И снова Найдельман улыбнулся в своём фирменном стиле: сдержанно, самоуверенно, отчуждённо, – но без следа заносчивости.

– Доктор Хатч, у вас имелось полное право указывать охотникам за сокровищами на дверь все последние двадцать лет. Я полностью понимаю вашу реакцию. У всех у них не хватало средств, и все они были не готовы. Но это – не единственная их проблема: проблемой были и вы сами! – произнёс он с снова склонился к столу. – Конечно, я не знаю вас в достаточной степени. Но чувствую, что после более четверти века неопределённости вы, может статься, наконец, готовы узнать, что случилось с вашим братом.

Найдельман немного помолчал, не отрывая взгляда от доктора. А затем заговорил снова, настолько тихо, что его едва можно было расслышать.

– Я знаю, ваш интерес не в финансовой выгоде. И понимаю, насколько горе заставило вас возненавидеть этот остров. И именно поэтому я пришёл сюда, уже подготовив всё. «Таласса»

– лучшая в мире компания по такого рода вопросам. И в нашем распоряжении имеется такое оборудование, о котором ваш дед мог только мечтать. Мы зафрахтовали корабли. У нас имеются аквалангисты, археологи, инженеры, экспедиционный доктор – и всё это готово действовать сию секунду. Одно лишь ваше слово – и я гарантирую, что в течение месяца Водяной Колодец выдаст нам все свои секреты. Мы узнаем о нём всё.

Слово «всё» он произнёс с особой силой.

– Почему бы просто не оставить его в покое? – пробормотал Хатч. – Почему бы не позволить ему хранить свои секреты и дальше?

– Это, доктор Хатч, не в моём характере. Может быть, в вашем?

В наступившей тишине далёкие колокола Церкви Тринити пробили пять часов. Пауза затянулась – на минуту, на две, потом на пять.

Наконец, Найдельман поднял листок со стола и опустил его обратно в портфель.

– Ваше молчание достаточно выразительно, – негромко сказал он без малейших следов злости. – Я потратил достаточно вашего времени. Завтра я сообщу партнёрам, что вы отклонили наше предложение. Всего хорошего, доктор Хатч!

Он поднялся, чтобы уйти, но у самой двери остановился, повернувшись в пол-оборота.

– Ах, да – ещё одно. Отвечая на ваш вопрос, кое-чем мы всё же отличаемся от остальных. Мы добыли кое-какую информацию о Водяном Колодце, которой нет ни у кого больше. Даже у вас.

Смешок застрял у доктора Хатча в горле, когда он увидел лицо Найдельмана.

– Мы знаем, кто его спроектировал, – негромко сказал капитан.

Хатч почувствовал, как его пальцы напряглись, а кисти сжались в кулаки.

– Что? – хрипло спросил он.

– Да. И ещё кое-что. У нас есть журнал, который он вёл во время постройки.

В наступившем молчании Хатч сделал глубокий вдох, затем ещё один. Он посмотрел на стол и помотал головой.

– Какая прелесть! – выдавил он из себя. – Просто восхитительно. Полагаю, я вас недооценил. Хоть один раз за все эти годы я услышал нечто оригинальное. Сегодня у меня праздник, капитан Найдельман!

Но тот уже исчез, и Хатч понял, что разговаривает с пустой комнатой.

Лишь через несколько минут он сумел заставить себя подняться из-за стола. Слегка подрагивающими пальцами засовывая в портфель последние бумаги, он заметил, что Найдельман оставил свою визитку. Поверх начертан номер телефона, скорее всего, отеля, где тот остановился. Хатч смахнул визитку в мусорную корзину, взял портфель и покинул лабораторию. Быстрым шагом мерил он сумеречные летние улицы по дороге домой.

В два часа ночи он вновь оказался в лаборатории, расшагивая перед тёмным окном и сжимая в руке визитку Найдельмана. Прежде чем он решился поднять трубку, уже настало три.

3

Хатч припарковался на грязной автостоянке, возвышающейся над пирсом, и медленно вышел из взятой напрокат машины. Он захлопнул дверцу и, не убирая с неё руки, несколько мгновений постоял на месте, осматривая гавань. Взгляд охватил длинную, узкую бухту, заканчивающуюся у гранитного обрывистого берега. Её усеяли купающиеся в холодном серебряном свете рыбацкие лодки и тральщики. Даже теперь, спустя двадцать пять лет, Хатч углядел знакомые названия: «Лола Б.», «Мэйбель В.»

Городок Стормхавэн поднимался на холм, его тесные обшитые досками дома шли вдоль изломанной линии дорожек, мощёных булыжниками. Чем ближе к вершине, тем дома реже, их сменяли стволы чёрных елей и крохотные лужайки, запертые среди каменных стен. И на самой вершине пристроилась церковь для прихожан, её простая белая колокольня вздымалась в серое небо. На противоположной стороне бухты Хатч мельком увидел дом своего детства, его четыре фронтона и ряд окон возвышались над деревьями, увидел длинную лужайку, что спускается к берегу и небольшому доку. Доктор отвёл взгляд в сторону. Его охватило чувство, что в его теле сюда явился незнакомец и что сам он видит всё глазами этого незнакомца.

Пряча глаза за солнечными очками, Хатч направился к пирсу. И очки, и неразбериха в душе заставили его почувствовать себя неловко. И, однако, сейчас у него оказалось больше дурных предчувствий, чем он испытывал даже в усыпанной телами заражённых лихорадкой денге туземцев в раруанской деревушке, или во время вспышки чумы в Западной Сьерра-Мадре.

Пирс оказался одним из двух коммерческих причалов, которые выступали в воду. С одной его стороны выстроились в ряд крохотные деревянные лачуги: «Ко-оп Лобстермана», закусочная под названием «Жратва Рэд-Неда», стойло для лошадей и сарай с инструментами. У конца пирса возвышались заржавленный газовый насос, погрузочные лебёдки и штабеля сохнувших вершей для омаров. За устьем бухточки протянулся низкий туманный берег, а за ним море незаметно переходило в небо. Словно весь мир заканчивался в сотне ярдов от берега.

Обшитый тонкими досками «Ко-оп» оказался на его пути первым. Весёлые завитушки дыма, исходящие из оловянной трубы, недвусмысленно намекнули, что внутри варятся омары. Хатч задержался у доски, изучая начертанные мелом цены на разные виды омаров: на тех, что с твёрдым панцирем, на тех, что едва успели его сбросить, на молодняк, на отборных и бросовых. Он бросил взгляд в окно из волнистого стекла, чтобы увидеть ряды котлов, кишачие негодующими омарами, которых подняли из глубин лишь считанные часы назад. В отдельной кастрюле сидел одинокий синий омар, чертовски редкий, которого выставят напоказ.

Малин отошёл от окна на шаг, когда рыбак в сапогах и дождевике с грохотом принялся катить по пирсу бочку гнилой приманки. Тот ненадолго поставил бочку под лебёдку, приладил к последней и смахнул вниз, в лодку. Эту последовательность действий Малин бесчисленное множество раз наблюдал во времена детства. Раздался шум, а потом резко загрохотал дизельный мотор, и лодка отошла от причала, направляясь в море, и за ней с пронзительными воплями погналась стая чаек. Хатч смотрел, как лодка превращается в призрак и растворяется в уходящем тумане. Очень скоро в поле зрения должны были оказаться ближние острова. Бёрнт-Хэд уже начал появляться из тумана – огромная гранитная масса, что выдавалась в море к югу от города. Прибой с грохотом налетал на основание мыса, и до Малина доносился слабый шёпот волн. На самой верхушке уступа стоял маяк из обтёсанного камня, возвышаясь над зарослями утёсника и черники. Красно-белые полосы здания и медный купол добавили однотонному туману нотку живых цветов.

Пока Малин стоял у оконечности пирса, обоняя смесь наживки для морского окуня, солёного воздуха и дизельных выхлопов, его внутренние барьеры, так старательно возводимые

последние четверть века, начали рушиться. Показалось, что годы уходят, будто их и не было, и грудь стиснуло мощное горько-сладкое чувство. Вот он здесь, снова вернулся в то место, которое уже никогда не ожидал увидеть снова. Так много изменилось в нём, и так мало поменялось здесь. Хатч едва сдержал слёзы.

За его спиной хлопнула дверца машины, и он обернулся, чтобы увидеть, как из автомобиля выходит Джерард Найдельман и уверенной пружинистой походкой идёт по пирсу – прямой, до краёв наполненный воодушевлением. Дым исходил из вересковой трубки, зажатой между зубов, глаза мерцали от старательно сдерживаемого, но безошибочно узнаваемого возбуждения.

– Любезно с вашей стороны встретить меня здесь, – сказал он, вытаскивая изо рта трубку и протянул руку Хатчу. – Надеюсь, вы без проблем...

Он слегка замешкался, прежде чем произнести последнее слово, и Хатч задал себе вопрос – догадывается ли капитан о его личных мотивах, побудивших вернуться в город – и к острову, – прежде чем подписать договор.

– Никаких проблем, – сдержанно ответил Хатч, обмениваясь с ним коротким рукопожатием.

– А где ваша красавица-лодка? – спросил Найдельман, искоса оценивающе осматривая пристань.

– Это «Плэйн Джейн». Она вон там.

Найдельман бросил на неё взгляд.

– Ага. Крепкая рыбацкая посуда, – отметил он, и нахмурился. – Но я не вижу шлюпки на носу. Как мы высадимся на остров Рэгид?

– Шлюпка у платформы, – сказал Хатч. – Но мы не будем выходить на берег. Естественной гавани там нет, и большая часть острова скрыта за крутым обрывом на берегу, поэтому со скал мы во всяком случае мало чего увидим. А ходить по внутренней части острова слишком рискованно. С моря вы лучше прочувствуете, что это за место.

Кроме того, – подумал он, – уж я-то, во всяком случае, ещё не готов ступить на остров.

– Понятно, – ответил Найдельман, снова сжимая трубку меж зубов. Он перевёл взгляд на небо. – Туман скоро уйдёт. Ветер сменяется юго-западным, море спокойное. Худшее, что можем ожидать – небольшой дождик. Замечательно. Жду не дождусь первого взгляда на ваш остров, доктор Хатч.

Малин стрельнул на капитана глазами.

– Хотите сказать, никогда не видели его раньше?

– Я ограничился картами и отчётами.

– А мне почему-то казалось, что человек вроде вас должен был съездить на место давным-давно. В прошлом сумасшедшие частенько плавали вокруг острова, и некоторые даже высаживались на берег. Уверен, они и сейчас есть.

Найдельман снова устремил на Хатча холодный взгляд.

– Я не хотел его видеть, если у меня не будет шансов на нём поработать, – сказал он.

В голосе прозвучала спокойная уверенность.

С пирса на плавучую платформу вёл шаткий трап. Хатч отвязал шлюпку «Плэйн Джейн» и взялся за стартер.

– Остановились в городе? – спросил Найдельман, проворно ступая в шлюпку и занимая место на носу.

Запуская мотор, Хатч покачал головой.

– Снял комнату в мотеле в Сауфпорте, в нескольких милях по берегу.

На самом деле даже лодку Малин зафрахтовал через посредника: он пока не чувствовал себя готовым к тому, чтобы его здесь узнали.

Найдельман кивнул, бросая взгляд через плечо Малина на землю, в то время как лодка двинулась.

– Замечательное местечко, – заметил он, плавно меняя тему.

– Да, – ответил Хатч. – Думаю, да. Появились ещё несколько летних домиков, теперь в городке есть гостиница, но во всём остальном время обошло Стормхавэн стороной.

– Конечно, он слишком далеко на севере, и сюда нет приличной дороги.

– Это лишь часть причин, – сказал Хатч. – Но всё это, такое оригинальное и чарующее – старые деревянные лодки, потрёпанные непогодой хижины, кривые пирсы – на деле лишь следствие бедности. Не думаю, что Стормхавэн сумел по-настоящему оправиться от Депрессии.

Они подплыли к «Плэйн Джейн». Найдельман взобрался на борт, пока Хатч привязывал шлюпку к корме. Затем доктор тоже поднялся на борт и с облегчением отметил, что мотор завёлся с пол-оборота и зарычал добро и гладко. *Может быть, она и старая*, – подумал Малин, выводя судно в бухту, – *но за ней явно присматривают*. Как только они отошли подальше от гавани, Хатч добавил ходу, и «Плэйн Джейн» рванулась вперёд, разрезая невысокие волны. Солнце над головой пыталось пробиться сквозь пелену облаков, светясь в остатках тумана наподобие огромной лампы дневного света. Хатч посмотрел на юго-восток, за пролив Олд-Хамп, но ничего не увидел.

– Не прохладно ли вам будет? – спросил он, бросив взгляд на рубашку с коротким рукавом, одетую на Найдельмана.

Тот обернулся и улыбнулся.

– Я привык.

– Вы называете самого себя капитаном, – сказал Хатч. – Служили в ВМС?

– Да, – сдержанно ответил Найдельман. – Капитан минного тральщика в дельте Меконга. После войны приобрёл деревянную лодку в Нантакете и занялся ловлей устриц и рыбы у берега Георга.

Он искоса глянул на море и добавил:

– Именно моя тогдашняя работа и привела к тому, что я заинтересовался поисками сокровищ.

– Правда? – спросил Хатч, бросая взгляд на компас и слегка поправляя курс.

Он посмотрел на лаг. Остров Рэгид в шести милях от берега; они окажутся на месте минут через двадцать.

Найдельман кивнул.

– В один прекрасный день в сеть попал крупный кусок коралла. Мой напарник стукнул по нему зубилом, и тот распался на две части, как устрица. А внутри лежала маленькая голландская серебряная шкатулка семнадцатого века. Это было началом моей первой охоты. Я немного порылся в архивах и понял, что мы, видимо, работаем над местом крушения барка «Чинк-Портс». Им командовал французский пират Чарльз Дампир. Так что я продал лодку, основал компанию, собрал миллион, и взялся за дело.

– И сколько ж вы тогда нашли?

Найдельман слегка улыбнулся.

– Чуть больше девяноста тысяч в монетах, фарфоре и антиквариате. Этот урок я не забуду никогда. Если бы я взял на себя труд и провёл исследование тщательней, отыскал бы грузовые декларации голландских судов, на которые нападал Дампир. Они перевозили в основном лес, уголь и ром, – сказал он и мечтательно подымял трубкой. – Не все пираты были такими талантливыми, как Рэд-Нед Окхэм.

– Вы говорите разочарованно, как врач, который надеется на рак, а находит желчный камень.

– Наверное, можно сказать и так, – глянув на него, ответил Найдельман.

Дальше они плыли в молчании. Последние клочья тумана рассеялись, и Хатч ясно разглядел ближние острова, Хермит и Рек – зелёные горбы, прикрытые толстым слоем елей. Скоро будет виден и остров Рэгид. Доктор бросил взгляд на Найдельмана, который внимательно смотрел в сторону запрятанного острова. Теперь самое время.

– Мы достаточно долго болтали, – негромко произнёс Хатч. – Я хочу узнать о человеке, который соорудил Водяной Колодец.

Найдельман несколько мгновений не отвечал, и доктор принялся терпеливо выжидать.

– Прошу меня извинить, доктор Хатч, – наконец, сказал Найдельман. – Мне следовало прояснить этот момент в вашем офисе. Вы ещё не подписали соглашение. Весь проект в двадцать два миллиона стоит на информации, которая у нас имеется.

Хатч почувствовал, как его охватила злость.

– Я рад, что вы мне настолько доверяете.

– Вы можете понять наше положение... – начал было Найдельман.

– Конечно, могу. Вы боитесь, что я могу воспользоваться вашими данными, самолично откопать сокровище и оставить вас с носом.

– Не слишком красивое описание, – ответил Найдельман. – Но именно так.

Они ещё немного помолчали.

– Ценю вашу прямоту, – наконец, произнёс Хатч. – А как вам понравится такой ответ?

Он качнул руль, резко накренив судно на правый борт. Хватаясь для поддержки за планшир, Найдельман вопросительно посмотрел на него.

Повернув на сто восемьдесят градусов, Хатч направил «Плэйн Джейн» обратно в направлении порта, и прибавил ходу.

– Доктор Хатч? – произнёс Найдельман.

– Всё очень просто, – ответил тот. – Либо вы рассказываете мне об этой вашей таинственной находке и убеждаете меня в том, что вы не очередной шизик, либо наша маленькая поездка оканчивается прямо сейчас.

– Быть может, вы подпишете наше соглашение о неразглашении...

– Да чёрт бы вас побрал! – взорвался Хатч. – Только посмотрите на него: морской юрист не меньше, чем капитан! Если нам суждено быть партнёрами – а вероятность этого всё меньше – мы должны доверять друг другу. Я пожму вашу руку и дам слово, и этого достаточно. А если нет – можете распрощаться с надеждой об этом острове.

Нисколько не потерявший самообладания Найдельман при этих словах улыбнулся.

– Рукопожатие. Оригинально.

Хатч продолжил ровно удерживать курс; мотор ревел, и лодка рассекала остатки зыби, улёгшиеся лишь несколькими минутами раньше. Тёмный выступ Бёрнт-Хэд постепенно вырисовывался всё яснее, за ним проступили крыши домов.

– Ну, хорошо, – мягко сказал Найдельман. – Будьте добры, поверните обратно. Вот моя рука.

Они обменялись пожатием. Хатч перевёл мотор в нейтральное положение и позволил «Плэйн Джейн» ещё некоторое время плыть вдоль берега. Наконец, снова поддав ходу, он направил её в море, постепенно увеличивая скорость. Теперь они снова двинулись к невидимым в тумане скалам острова Рэгид.

Несколько мгновений Найдельман пристально смотрел на восток, попыхивая трубкой, очевидно, погружённый в глубокие размышления. Хатч бросил взгляд на капитана, желая понять, не тянет ли тот резину.

– Вы бывали в Англии, не так ли, доктор Хатч? – наконец, произнёс Найдельман.

Доктор кивнул.

– Изумительная страна, – продолжил капитан таким тоном, будто погружён в восхитительные воспоминания. – В особенности, на мой взгляд, северная её часть. Бывали в Хаунд-

сбери? Это прелестный городок, очень консуолдовский, но в целом, полагаю, достаточно невзрачный – если бы не его изящный кафедральный собор. Или, быть может, вы посетили Уайтстоун-Холл в Пеннинских горах? Родовое поместье герцога Вессекского?

– А, то самое, построенное в стиле аббатства? – уточнил Хатч.

– Именно. Два восхитительных примера церковной архитектуры семнадцатого столетия.

– Восхитительных, – эхом отозвался Хатч, с ноткой сарказма в голосе. – Ну, так что?

– Их спроектировал сэр Уильям Макаллан. Тот самый, который спроектировал и Водяной Колодец.

– Спроектировал?

– Да. Макаллан был одним из величайших архитекторов. Быть может, самый великий в Англии, наряду с сэром Кристофером Вреном. Причём как личность Макаллан намного интереснее, – продолжил Найдельман, продолжая смотреть на восток. – В дополнение к зданиям и Старому мосту Баттерси, он оставил после себя монументальную работу по церковной архитектуре. Мир потерял великого провидца, когда тот без вести пропал в море в 1696-м году.

– Пропал в море? Вы что-то темните.

Найдельман поджал губы, и Хатч задал себе вопрос – не задел ли он его, наконец?

– Да, это была ужасная трагедия. Если не считать... – продолжил капитан, при этих словах поворачиваясь к Хатчу. – Если не считать того, что он, разумеется, не пропал без вести. В прошлом году мы обнаружили экземпляр его трактата. И на полях книги увидели ряд пятен и выцветшие следы. Наша лаборатория сумела подтвердить, что эти следы на самом деле – записи, сделанные невидимыми чернилами, которые проявились лишь сейчас, по прошествии долгого времени. Химический анализ показал, что эти чернила – органическое соединение, полученное из уксуса и лука. Дальнейший анализ датировал «травление» – как тогда называли запись невидимыми чернилами – приблизительно 1700-м годом.

– Невидимые чернила? Похоже, вы начитались детективов.

– Невидимые чернила были широко распространены в семнадцатом и восемнадцатом веках, – спокойно парировал Найдельман. – Их использовал Джордж Вашингтон для тайной переписки. Колонисты называли ведение таких записей не «травлением», а «записью белыми чернилами».

Хатч попытался было выдать очередную саркастическую реплику, но не смог произнести ни слова. Вопреки своей воле он наполовину поверил в историю Найдельмана: она показалась слишком невероятной, чтобы быть выдумкой.

– Химически обработав бумагу, наша лаборатория сумела выудить то, что осталось от записей. Полученный документ содержит примерно десять тысяч знаков, собственно-ручно набросанных Макалланом на полях книги. Запись была зашифрована, но специалист «Талассы» относительно легко сумел расшифровать её первую половину. Когда мы, наконец, прочитали готовый текст, то поняли, что сэр Уильям Макаллан был ещё более интригующим архитектором, чем думал о нём свет.

Хатч сглотнул.

– Прошу меня извинить, но вся эта история – просто абсурд.

– Нет, доктор Хатч, не абсурд. Макаллан спроектировал Водяной Колодец. Зашифрованные записи – секретный журнал, который он вёл во время своей последней поездки, – ответил Найдельман и улучил несколько мгновений, чтобы сделать затяжку. – Видите ли, Макаллан был шотландцем и тайным католиком. После победы Уильяма III в сражении у Бойне Макаллан с отвращением покинул страну и уехал в Испанию. Испанский трон направил его на строительство величайшего в Новом Свете кафедрала. В 1696-м году он на двухмачтовом бриге отплыл из Кадиса в Мексику, в сопровождении испанского военного судна. Корабли пропали в море, и о Макаллане больше никто ничего не слышал. Считалось, что они утонули. Однако, этот журнал поведал нам, что случилось на самом деле. Их корабли были атакованы Эдвар-

дом Окхэмом. Испанский капитан отказался сотрудничать с пиратом, и его подвергли пыткам, чтобы он раскрыл суть их миссии. Затем Окхэм перерезал всех, за исключением одного Макаллана. Архитектора в кандалах приволокли к пирату. Тот приставил клинок к его глотке и сказал – цитирую по журналу – *«Пусть Господь сам строит свою проклятую церковь, а у меня есть для тебя новое задание»*.

Хатч неожиданно почувствовал непривычную взволнованность.

Капитан облокотился на планшир.

– Видите ли, Рэд-Нед хотел, чтобы Макаллан спроектировал хранилище, в котором можно запрятать огромное состояние. Непрístupное хранилище, к которому имел бы доступ лишь сам Окхэм. Они проплыли вдоль побережья Мэн, нашли остров Рэгид, после чего хранилище было возведено, и сокровище захоронено. Но, конечно, вскоре после этого Окхэм исчез вместе со своей командой. А Макаллана, без сомнения, убили, как только строительство завершилось. И с ним погибла тайна Водяного Колодца.

Найдельман сделал паузу, его глаза в ярких отблесках от поверхности моря показались чуть ли не белыми.

– Конечно, теперь неправильно так говорить. Потому что секрет Водяного Колодца не погиб вместе с Макалланом.

– Объясните.

– Примерно посередине журнала Макаллан изменил шифр. Полагаем, он специально сделал это, чтобы записать секретный ключ к Водяному Колодцу. Естественно, нынешние компьютеры легко справятся с любым шифром семнадцатого столетия, так что наши специалисты должны дешифровать запись со дня на день.

– И сколько же там запрятано? – сумел выдавить Хатч.

– Хороший вопрос. Мы знаем грузоподъемность кораблей Окхэма, знаем, что они были полностью загружены, и у нас имеются грузовые декларации многих из тех судов, которые он взял на бордаж. Вы в курсе, что Окхэм – единственный пират, который сумел успешно напасть на испанские корабли, что перевозили серебро из Америки в Испанию?

– Нет, – пробормотал Хатч.

– Сложив всё вместе, по самым консервативным оценкам современная стоимость сокровищ лежит... – сказал Найдельман, и на его губах появился след улыбки, – где-то между одной целой восемьюдесятыми и двумя миллиардами долларов.

Повисло долгое молчание, нарушаемое лишь стуком мотора, монотонными криками чаек и звуками воды, прорезаемой лодкой. Хатч попытался осознать грандиозность суммы.

Найдельман заговорил тише.

– То есть, это без учёта Меча Святого Михаила, величайшего из трофеев Окхэма.

В этот же миг чары рассеялись.

– Да ладно, капитан! – со смехом произнёс Хатч. – Не вздумайте утверждать, что верите в поросшую мхом старую легенду.

– Нет, нет, я прочёл журнал Макаллана. Доктор Хатч, он там! Макаллан своими глазами видел, как его захоронили вместе с сокровищами.

Хатч невидящим взором уставился в палубу. В голове – полная неразбериха. *Просто невероятно, просто невозможно поверить...*

Доктор поднял глаза и почувствовал, как всё внутри непроизвольно напряглось. Бесчисленные вопросы, которые он был готов задать, внезапно испарились. За широкой полосой моря Хатч увидел длинную низкую полосу тумана, за которой спрятался остров Рэгид. Того самого тумана, что висел над островом четверть века назад.

Стоящий рядом Найдельман что-то произнёс. Хатч повернулся, часто дыша, пытаясь успокоить забившееся чаще сердце.

– Что вы сказали?

– Я сказал, что в курсе – вы не сильно заинтересованы в деньгах. Но хочу, чтобы вы знали: согласно договору, который предлагаю, вы получите половину сокровищ, без учёта издержек. В обмен на то, что я беру на себя все финансовые риски, мне причитается также Меч Святого Михаила. Так что ваша доля – что-то около миллиарда долларов.

Хатч сглотнул.

– Вы правы. Меня это совершенно не волнует.

Они помолчали, и затем Найдельман поднёс к глазам бинокль и внимательно осмотрел полосу тумана.

– А почему он всегда скрыт туманом?

– Не без причины, – ответил Хатч, благодарный за смену темы. – У острова сильное приливное течение. Оно отклоняет холодное течение Лабрадора в тёплое – Мыса Код, – и там, где они смешиваются, возникает туман. Иногда остров окружает тонкое кольцо тумана, но гораздо чаще остров скрыт в нём целиком.

– Чего ещё пожелать пирату? – пробормотал Найдельман.

Осталось недолго, – подумал Хатч. Он попытался расслабиться, слушая шипение воды, бегущей вдоль корпуса судна, вдыхая аромат солёного воздуха, ощущая на ладонях холод латуни штурвала. Он бросил взгляд на Найдельмана, и увидел, как подрагивает мускул на скуле. Тот тоже испытывал сильную эмоцию другой природы, хотя и не менее личной.

Пелена тумана подобралась ближе. Хатч молча сражался с собой, пытаясь заставить себя направлять лодку в направлении ползущих пальцев тумана, который выглядел настолько чужеродным на чистом, не считая его, горизонте. Он сбавил обороты, когда судно окунулось носом в сумрак. Внезапно их окутала влага. Малин почувствовал, как на костяшках пальцев и шее начинают конденсироваться капельки.

Хатч силился разглядеть за туманом хоть что-нибудь. Ему показалось, что он разглядел тёмные очертания вдали, но они исчезли снова. Он ещё сбавил скорость. В относительной тишине он расслышал шум прибоя и позвякивание буйка, что предупреждал моряков о предательских рифах острова Рэгид. Хатч слегка повернул к северу, чтобы подойти с подветренной стороны острова. Внезапно в двухстах ярдах по левому борту возникла полуразрушенная железная вышка, изогнутая штормами, покрытая ржавчиной.

Неглубоко вдохнув, Найдельман быстро поднёс к глазам бинокль, но судно вновь окунулось в очередную полосу тумана, и остров исчез снова. Поднялся холодный ветер, и заморосил дождик.

– Мы можем подобраться поближе? – пробормотал Найдельман.

Хатч направил «Плэйн Джейн» к рифам. Когда они вышли на подветренную сторону острова, прибой и ветер стихли. Неожиданно лодка прорвалась сквозь кольцо тумана, и перед ними появился весь остров целиком.

Доктор направил лодку параллельно рифам. Бинокль, казалось, прирос к глазам стоящего на корме Найдельмана, его позабытая трубка по-прежнему оставалась стиснутой между зубов, а плечи темнели в струйках дождя. Развернувшись носом к морю, Хатч перевёл мотор в нейтральное положение и позволил судну лечь в дрейф. Затем, наконец, и сам повернулся к острову, чтобы встретиться с ним лицом к лицу.

4

Тёмные, жуткие очертания острова, настолько вьёвшиеся в память и ночные кошмары, снова оказались перед ним наяву. Клочок суши предстал лишь немногим больше, чем просто чёрный силуэтом, выгравированным на фоне серых моря и неба, формой напоминающим своеобразный накренившийся стол. С подветренной стороны, от самых рифов, шёл монотонный уклон, что заканчивался холмиком в центре острова. Набегающие валы разбивались о рифы и кипели над окаймляющими остров подводными валунами, оставляя за собой клочья пены, которые тянулись подобно кильватерной струе корабля. Сегодня остров Рэгид показался, если уж на то пошло, ещё суровей, чем Хатч запомнил его в детстве: опустошаемый ветром, бесплодный, в милю длиной и восемьсот ярдов шириной. Одинокая покорёженная ель возвышалась над усыпанным камнями пологим берегом подветренной стороны; её верхушка была давным-давно разбита ударом молнии, а сердитые лапы возделись к небу наподобие рук старой ведьмы.

Среди колышущейся высокой травы и зарослей шиповника – повсюду, куда падал взгляд – разбросаны останки дьявольских машин: паровые компрессоры, лебёдки, цепи, котлы. Кучка потрёпанных непогодой сараев приткнулась неподалёку от старой ели. Строения покосились и утратили крыши. На дальнем конце пляжа Хатч различил гладкие округлые формы «спины кита», того самого, через который они с Джонни перелазили больше четверти века назад. Вдоль ближайших скал возлежат несколько развалившихся каркасов довольно крупных судов, потрёпанных бесчисленными штормами. Их палубы и шпангоуты разбиты в щепы и рассыпаны среди гранитных валунов. Через каждые сто футов над отметинами приливов расставлены ветхие знаки:

**ВНИМАНИЕ!
СМЕРТЕЛЬНО ОПАСНО!
НЕ ВЫСАЖИВАТЬСЯ!**

На несколько мгновений Найдельман, казалось, потерял дар речи. Затем он выдохнул: – Наконец-то!

Эти мгновения перешли в минуты, «Плэйн Джейн» всё продолжала дрейфовать. Найдельман опустил бинокль и повернулся к Малину.

– Доктор, – окликнул он Малина.

Хатч крепко обхватил штурвал, всецело погружённый в воспоминания. Ужас накатил на него, подобно приступу морской болезни. Дождик оросил окна рулевой рубки, а колокольчик буйка в тумане мерно издавал скорбные звуки. Но кроме ужаса теперь Малин почувствовал кое-что иное, нечто новое: теперь к нему пришло понимание, что здесь и в самом деле зарыты огромные сокровища – и что его дед не был совершеннейшим идиотом, который из-за ничего разорил три поколения семьи. В этот миг он понял, каким должно быть его решение: дать окончательный ответ своему деду, отцу и брату.

– Доктор Хатч, – повторил Найдельман, лицо которого покрыла влага.

Малин несколько раз глубоко вдохнул и усилием воли заставил себя ослабить отчаянную хватку за колесо штурвала.

– Обойти вокруг острова? – спросил он, сумев выговорить слова ровным тоном.

Найдельман ещё несколько мгновений смотрел на него. Затем просто кивнул и снова поднёс бинокль к глазам.

Слегка прибавив ходу, Малин направил судно в сторону моря, выходя из-под прикрытия острова и подставляя «Плэйн Джейн» ветру. Он продолжил ход на малой тяге, сохраняя

скорость в три узла и не глядя на «спину кита» и прочие – ещё более жуткие – ориентиры, которые, как он знал, лежат дальше.

– Суровое место, – заметил Найдельман. – Суровей, чем я думал.

– Здесь нет естественной гавани, – ответил Хатч. – Остров окружают рифы, и приливные волны жуткие. Остров открыт океану, и каждую осень на него обрушиваются «северо-восточники». В глубине прорыли столько туннелей, что большая часть острова пропитана водой и нестабильна. Что ещё хуже, некоторые из компаний работали со взрывчаткой. Под поверхностью лежит неразорвавшийся динамит, детонаторы и Бог знает что ещё – лежит и ждёт своего часа.

– А это что за обломки? – спросил Найдельман, указывая на массивную изогнутую металлическую структуру, что вздымалась над гладкими от водорослей скалами.

– Баржа, брошенная ещё при жизни моего деда. С плавучим краном она стояла на якоре у берега, попала под «северо-восточник» и очутилась на скалах. После того, как с ней поиграл океан, там не осталось ничего ценного. Это подвело черту под усилиями моего деда.

– Он, случаем, не оставил записей? – спросил Найдельман.

– Мой отец их уничтожил, – ответил Хатч и сглотнул. – Дед обанкротил семью из-за этого острова, и отец всегда ненавидел и само это место, и всё, что его касалось. Так было даже до того случая.

Он умолк и сжал штурвал ещё сильнее, устремив взгляд прямо перед собой.

– Извините, – сказал Найдельман, и его лицо смягчилось. – Я настолько поглощён всеми этими делами, что время от времени забываю о вашей личной трагедии. Простите, если какие-то вопросы показались бесчувственными.

Взгляд Малина был по-прежнему устремлён вперёд, поверх носа лодки.

– Всё в порядке, – ответил он.

Найдельман умолк, за что Хатч почувствовал благодарность. Ничто не причиняет большую боль, чем банальные фразы тех, кто действует из лучших побуждений, в особенности когда они начинают твердить что-то вроде: *«Не ругай себя, ведь это не твоя вина»*.

«Плэйн Джейн» обогнула южную оконечность острова и направилась перпендикулярно волнам. Хатч немного подбавил оборотов, и лодка продолжила свой путь.

– Потрясающе, – пробормотал Найдельман. – Подумать только: этот крошечный остров из песка и скал – единственное, что отделяет нас от крупнейшего состояния, когда-либо зарытого в землю!

– Осторожней, капитан, – отозвался Хатч таким шутливым тоном, который только сумел выдать. – Именно эти восторги привели к банкротству дюжину компаний. Как раз уместно вспомнить старый стишок:

И пусть я близок, как никто
К святыне, что хранит храм сей,
Но, говоря начистоту —
Она не моя и не будет моей.

Найдельман обернулся и внимательно посмотрел на него.

– Как я погляжу, у вас было время на чтение чего-то помимо «Анатомии» Грея и справочника Мерка. Не так часто встречаются врачи, которые могут процитировать Кавентри Пэт-мора.

Хатч пожал плечами.

– Я немного увлекаюсь поэзией, потому и читаю кое-что – отрывок здесь, отрывок там. Смакую, как первоклассный портвейн. А вы чем оправдаетесь?

Найдельман слабо улыбнулся.

– Провёл в море больше десяти лет жизни. Время от времени бывает, что кроме чтения больше нечем заняться.

Внезапно со стороны острова донёсся резкий кашляющий звук. Он становился всё громче, превращаясь в низкое рычание и, наконец, перешёл в хриплый стон. Так легко представить, что это умирает некий глубоководный зверь. Хатч почувствовал, как по коже побежали мурашки.

– Что за шум, чёрт возьми? – резко спросил Найдельман.

– Прилив сменяется отливом, – ответил Хатч, слегка подрагивая на прохладном влажном воздухе. – Водяной Колодец, очевидно, связан с морем тайным подводным каналом. Когда приливное течение меняет направление и поток в туннеле устремляется обратно, возникает этот звук. По крайней мере, имеется такая теория.

Стенания продолжились, медленно затихая и переходя в заикание, прежде чем совершенно умолкли.

– От местных рыбаков можно услышать другую теорию, – помолчав, заметил Хатч. – Быть может, вы заметили, что вокруг острова Рэгид верши на омаров не поставлены. Не стоит думать, что их не ставят, потому что тут нет омаров.

– Проклятие острова Рэгид, – кивнув, ответил Найдельман, и в его глазах загорелся язвительный огонёк. – Наслышан о нём.

Они довольно долго молчали, Найдельман упёрся взглядом в палубу. Затем медленно поднял голову.

– Я не могу вернуть вашего брата к жизни, – сказал он. – Но обещаю одно: мы узнаем, что с ним произошло.

Хатч махнул рукой, от наплыва эмоций не в силах вымолвить ни слова. Он повернулся лицом к открытому окну рубки, признательный дождю за то, что в нём не видно слёз. Неожиданно Малин понял, что просто не в силах оставаться у острова. Без объяснений он повернул к западу и прибавил ходу, когда они снова вошли в опоясывающую остров мантию тумана. Всё, что ему нужно – вернуться в комнату мотеля, заказать обед и залить всё кувшином «Кровавой Мэри».

Вскоре «Плэйн Джейн» вырвалась из тумана на долгожданный солнечный свет. Ветер сделался сильнее, и Хатч почувствовал, как с лица и рук начинают испаряться капельки влаги. Доктор не оборачивался, но чуть ли не осязал, как скрытый туманом остров быстро сжимается в пятнышко на горизонте, и это ощущение ослабило напряжение в груди.

– Пожалуй, стоит добавить – мы будем работать в тесном сотрудничестве с первоклассными археологом и историком, – произнёс стоящий рядом Найдельман. – Информация, которую получим об инженерном искусстве семнадцатого века, о пиратах северных морей и морских технологиях и, быть может, даже о таинственной гибели Рэд-Неда Окхэма, – всё это невозможно оценить. Это в той же мере археологическая экспедиция, как и раскопки сокровищ.

Они помолчали.

– Я хочу сохранить за собой право остановить все работы, если почувствую, что условия стали слишком опасными, – наконец, произнёс Хатч.

– Ваше желание легко понять. В нашем проекте контракта аренды восемнадцать пунктов. Просто добавим девятнадцатый.

– И, если работы начнутся, – несколько медленнее сказал Малин, – я не хочу быть молчаливым партнёром и заглядывать через плечо.

Найдельман вытряхнул пепел из трубки.

– Операция такого рода – крайне рискованное занятие, особенно для непрофессионала. Какую роль вы предполагаете взять?

Хатч пожал плечами.

– Вы говорили, что наняли врача для экспедиции.

Переводя взгляд на доктора и удивлённо приподнимая брови, Найдельман прекратил выколачивать пепел.

– Ну да, этого требуют законы штата Мэн. Вы предлагаете кадровую перестановку?

– Именно.

Найдельман улыбнулся.

– И вы можете так просто бросить госпиталь Маунт-Оберна, практически без предупреждения?

– Исследования могут подождать. К тому же работы будут недолгими. Уже конец июля, и, если вы хотите провести операцию в этом году, её нужно завершить за четыре недели – так или иначе. В период штормов раскопки вести нельзя.

Найдельман перегнулся через борт судна и вытряхнул остатки пепла, один лишь раз крепко приложив трубку к дереву. Он снова выпрямился. Горизонт за его спиной подчеркнула длинная узкая линия мыса Бёрнт-Хэд.

– Через четыре недели операция будет завершена, – произнёс капитан. – Это будет и ваша победа, и моя тоже.

5

Хатч припарковал машину на грязной автостоянке рядом с «Супереттой Бада». На этот раз машина была его собственная, и смотреть на жизнь своего прошлого через ветровое стекло автомобиля – части настоящего – оказалось настолько необычно, что это выбило его из колеи. Доктор бросил взгляд на потрескавшиеся кожаные сиденья, на выцветшие кофейные пятна, заляпавшие коробку передач цвета грецкого ореха. Всё настолько знакомо, настолько безопасно; Малин с усилием заставил себя распахнуть дверцу. Взял было с панели солнечные очки, но затем вернул на место. Время маскарада ушло.

Он осмотрел крохотный пятачок. Сквозь изношенный асфальт выглядывали булыжники, их стало ещё больше. Старый газетный киоск на углу с болтающейся на рядах комиксов и журналов проволокой ныне уступил место киоску с мороженым. Городок за пятачком спускался по склону, живописный как никогда, крыши из шифера и кипарисовых досок отсвечивали в сиянии солнца. Со стороны причала направлялся парень в резиновых сапогах и с дождевиком на плече – рыбак с работы. Проходя мимо, тот окинул Малина взглядом, чтобы затем исчезнуть на боковой дорожке. Рыбак молод, ему не больше двадцати, и Хатч только сейчас сообразил, что тот ещё даже не родился, когда они с матерью оставили Стормхавэн. Целое поколение выросло здесь за время его отсутствия. И, без сомнения, столько же умерло. Ему внезапно захотелось узнать, жив ли ещё старина Бад Роуэлл.

На первый взгляд, «Суперетта Бада» оказалась точь-в-точь такой же, как он её запомнил: зелёная стеклянная дверь, никогда не закрывающаяся плотно, древний рекламный щит «Кока-колы», избитое непогодой покосившееся крыльцо. Хатч шагнул внутрь, и под ногами негодуяще закрипели изношенные половицы. Покупателей внутри не оказалось, чему он очень обрадовался. Из ряда, выстроившегося у двери, Малин взял одну из тележек. Двигаясь узкими проходами, принялся набирать кое-какие продукты на «Плэйн Джейн», где решил оставаться до тех пор, пока для него не приведут в порядок старый семейный дом. Он с любопытством посматривал по сторонам, время от времени опуская пакеты в тележку, покуда не сообразил, что лишь пытается оттянуть неизбежное. С усилием толкнул тележку к передней части лавки и оказался лицом к лицу с Бадом Роуэллом, крупным, лысым и бодрым, в белоснежном фартуке. Много-много раз, как помнил Малин, Бад под прилавком незаметно передавал им с Джонни леденцы с лакрицей. Это несказанно выводило мать из себя.

– Добрый день, – произнёс Бад, его взгляд скользнул по лицу Хатча и затем устремился к машине, припаркованной снаружи – очевидно, проверяя номер. Не так уж часто классический «Jaguar ХКЕ» паркуется на стоянке «Суперетты». – Из Бостона?

Хатч кивнул, до сих пор не зная, как себя вести.

– Ага.

– Отпуск? – спросил Бад, бережно опуская артишок в пакет, неторопливо укладывая получше, и со своей обычной медлительностью пробивая на старой латунной кассе.

Второй артишок точно так же оказался в пакете.

– Нет, – ответил Хатч. – Я здесь по делам.

Рука продавца замерла в воздухе. Никто никогда не приезжает в Стормхавэн по делам. И Бад, будучи профессиональным сплетником, теперь непременно должен выяснить подробности.

Рука двинулась снова.

– Вот как, – произнёс Бад. – По делам.

Хатч кивнул, изо всех сил крепясь, чтобы не выдать, кто он такой. Как только узнает Бад, об этом тотчас прознает весь город. Делать покупки в «Суперетте Бада» – всё равно, что пересечь роковую черту. Ещё не слишком поздно, чтобы просто собрать всё, что он набрал, и

оставить здесь так ничего и не выяснившего Бада. Пойти на альтернативный вариант – об этом и помыслить больно: Хатч едва мог вынести одну лишь мысль о шепчущем воскрешении старой трагедии, о том, как люди будут покачивать головами и сжимать губы. Маленькие городки бывают жестокими в выражении своих симпатий.

Рука взялась за пачку с молоком и опустила её в пакет.

– Коммивояжер?

– Нет.

Снова повисла пауза, пока Бад, теперь действуя ещё медленнее, ставил рядом с молоком апельсиновый сок. Касса звякнула, пробив очередную покупку.

– Так вы здесь проездом? – рискнул спросить он.

– У меня дела прямо здесь, в Стормхавэне.

Это оказалось настолько неслыханным, что Бад просто не смог сдержаться.

– И какие дела это могут быть?

– Дела особого рода, – ответил Хатч, понизив голос.

Несмотря на опасения, ужас с которым Бад приподнял брови, оказался настолько выразительным, что Малин едва сумел подавить улыбку.

– Понятно, – сказал Бад. – Остановились в городе?

– Нет, – глубоко вдохнув, ответил Хатч. – Я останавлиюсь на другой стороне бухты, в старом доме семьи Хатч.

При этих словах Бад едва не выронил кусок мяса. Дом оставался заколочен все двадцать пять лет. Но всё же мясо, наконец, оказалось в одном из пакетов, и Бад исчерпал все вопросы – по меньшей мере, вежливые.

– Ну, ладно, – произнёс Хатч. – Я немного тороплюсь. Сколько с меня?

– Тридцать один-двадцать пять, – несчастным голосом сказал Бад.

Хатч собрал все пакеты. Вот теперь самое время. Если он собирается остановиться в этом городке, пусть даже и временно, неминуемо придётся раскрыть, кто он такой.

Малин остановился, открыл один из пакетов и запустил в него руку.

– Прошу прощения, – сказал он, точно так же раскрывая второй пакет и шаря в нём. – А вы, случаем, ничего не забыли упаковать?

– Не думаю, – флегматично ответил Бад.

– А я уверен, что забыли, – повторил Хатч, выкладывая на стойку содержимое пакетов.

– Всё там, – сказал Бад, и теперь в его голос начали закрадываться грубые нотки уроженца штата Мэн.

– Нет, не всё, – заявил Хатч, указывая на небольшой ящичек, чуть ниже стойки. – А где мой бесплатный леденец с лакрицей?

Бад уставился на выдвижной ящик. Затем взгляд начал двигаться по руке Хатча, пока не уставился тому в лицо, и продавец в первый раз по-настоящему на него не посмотрел. В следующий миг Бад побледнел, кожа стала серой.

Хатч напрягся в опасении, что зашёл слишком далеко, но тут старый продавец слегка выдохнул.

– Будь я проклят, – произнёс он. – Да будь я проклят! Это же Малин Хатч.

Лицо Бада быстро вернуло свой обычный цвет, но на нём по-прежнему застыло такое выражение, словно он только что увидел привидение.

– Ну, Бад – сказал Хатч. – Как ты?

Неожиданно тот перегнулся через стойку и, словно тисками, обеими лапами обхватил правую руку Хатча.

– Только посмотрите на него, – сказал он, хватая Малина за плечи и держа на расстоянии вытянутой руки. Пухлое лицо расплылось в улыбке. – Подумать только, в какого здорового,

крупного мужика ты вырос! Не знаю уж, сколько раз я раздумывал, что с тобой случилось, даже понятия не имея, встречу ли тебя ещё. А теперь – Боже! – вот ты здесь, ясный, как день.

Хатч вдохнул запах, исходящий от Бада – смесь ароматов окорока, рыбы и сыра – и одновременно почувствовал и облегчение, и смущение, будто снова превратился в мальчишку.

Бад разглядывал его ещё несколько мгновений, а затем перевёл взгляд на ящичек с леденцами.

– Вот негодяй! – рассмеялся он. – До сих пор ешь леденцы? Один ещё остался.

Он протянул руку, вытащил конфету и бухнул её на стойку.

6

Они сидели в креслах-качалках на заднем крыльце лавки, попивая пиво из банок и глядя на тёмный ряд сосен с другой стороны лужайки. Под расспросами Бада Хатч поведал о некоторых своих приключениях, когда работал эпидемиологом в Мексике и Южной Америке, успешно избегая упоминаний о причинах возвращения в Стормхавэн. Он чувствовал, что пока не готов пускаться в объяснения. За разговором Хатч понял, что больше всего хочет вернуться на судно, поставить гриль на гакаборт, поджарить кусок мяса и просто посидеть с грешным сухим мартини. Но он всё же он понимал – этикет маленького городка требует, чтобы он провёл часок со старым бакалейщиком, болтая на свежем воздухе о том, о сём.

– Расскажи, что случилось в городе с тех пор, как я уехал, – попросил он Бада, чтобы прервать молчание и предупредить дальнейшие расспросы.

Ему было совершенно ясно, что Бад умирает от желания узнать, что заставило его вернуться, и продавца удерживает лишь вежливость.

– Ну, – заговорил Бад. – Кое-какие перемены здесь произошли.

Он поведал Малину, что пять лет назад к школе возвели новую пристройку, рассказал, как дом семейства Тибодо сгорел дотла, пока те отдыхали на Ниагарском водопаде, как Фрэнк Пикетт налетел на своём судёнышке на Олд-Хамп и затопил его, поскольку хлебнул лишку. И, наконец, спросил доктора, видел ли тот новое здание пожарников.

– Ещё бы, конечно видел, – ответил тот, в душе печальась о старом деревянном строении, которое разломали, чтобы на его месте возвести металлического монстра.

– И везде, где только можно, вырастают новые дома. Летние люди, – неодобрительно фыркнул Бад.

Хатч совершенно точно знал, что тот не жалуется на это, сидя на кассе. В любом случае, вскоре выяснилось, что под «где только можно» Бад подразумевает три или четыре дома, выросших на Бридс-Поинт, несколько заново отделанных жилых домов на фермах, да новую гостиницу.

Бад подвёл черту, скорбно покачав головой.

– Всё так поменялось здесь с тех пор, как ты уехал. Едва ли ты узнаешь Стормхавэн, – заключил он, откидываясь в кресле и вздыхая. – Итак, ты здесь, чтобы продать дом?

Хатч слегка напрягся.

– Нет, я приехал сюда пожить. До конца лета, в любом случае.

– Серьёзно? – спросил Бад. – Отпуск?

– Я же сказал, – ответил Хатч, пытаясь говорить как можно более лёгким тоном. – Я здесь по особым делам. Обещаю тебе, Бад – это не останется секретом надолго.

Бад, казалось, слегка обиделся.

– Знаешь, я бы не стал лезть в твои дела. Но, по-моему, ты сказал, что ты доктор.

– Так оно и есть. И именно этим я буду здесь заниматься.

Хатч глотнул пива и мельком бросил взгляд на часы.

– Но Малин, – сказал Бад, ёрзая в кресле, – в городе уже есть врач. Доктор Фразир. Он здоров, как бык, и запросто проработает ещё двадцать лет.

– Мышьяк в чае справится и не с таким, – заверил его Хатч.

Продавец в тревогой посмотрел на него.

– Да не волнйся, Бад, – улыбнувшись, ответил Хатч. – Я не собираюсь мешать доктору Фразиру.

Он ещё раз напомнил себе, что шутки такого рода не так часто услышишь в сельских районах штата Мэн.

– Это хорошо, – заметил Бад, искоса посматривая на него. – Тогда, может быть, твои дела как-то связаны с этими вертолётами.

Хатч вопросительно глянул на него.

– Это было вчера. Ясный, погожий денёк. И пролетели два вертолёта. Большие машинки, что да, то да. Прямо над городом, и направились к островам. Я видел, они довольно долго крутились над островом Рэгид. Думал, они с военной базы, – при этих словах на лице Бада отразились тяжкие раздумья. – Но, с другой стороны, может, и не с базы.

На это Малину отвечать не пришлось – хлопнула стеклянная дверь. Бад неуклюже направился к покупателю, и Хатч подождал, пока тот вернётся.

– Кажись, дело процветает, – заметил он, когда Бад снова уселся в кресло.

– Не сказал бы, – откликнулся тот. – Когда проходит сезон, в городе едва ли остаётся восемьсот душ.

Хатч про себя подумал, что Стормхавэн всегда и был таких размеров.

– Эх, – продолжил Бад. – Дети вырастают и уезжают, как только заканчивают школу. Не хотят оставаться. Направляются в большие города – в Бангор, Огасту. Один даже выбрался в Бостон. За последние три года пять ребятишек уехали. Если бы не летние люди и не тот лагерь nudists на Пайн-Нек, не думаю, что у меня была бы парочка лишних пенсов.

Хатч кивнул. Очевидно, у Бада всё замечательно, но не согласиться с ним в его же собственном магазине было бы крайне невежливо. «Лагерь nudists», о котором тот упомянул, в действительности представлял собой поселение артистов в старой усадьбе в сосновом лесу милях в десяти по берегу. Хатч вспомнил, что лет тридцать назад рыбак вытаскивал сети и увидел, как на тамошнем пляже загорает голая женщина. У прибрежных городков штата и впрямь долгая память.

– А что с твоей матерью? – спросил Бад.

– Умерла в восемьдесят пятом. Рак.

– Очень жаль, – сказал тот, и Хатч знал, что Бад и правда очень жаль. – Она была хорошей женщиной, и вырастила таких... такого прекрасного сына.

После недолгого молчания Бад качнулся в кресле и покончил со своим пивом.

– Ещё не видел Клэр? – спросил он, как можно более беззаботно.

Хатч мгновение помолчал.

– Она ещё здесь? – вопросом ответил он, так же безучастно.

– Ну да, – сказал Бад. – В её жизни кое-что поменялось. А у тебя как? Семья, дети?

Малин улыбнулся.

– Жены нет. Пока нет, во всяком случае.

Он опустил пустую бутылку и поднялся. Определённо, пора уходить.

– Бад, было чертовски приятно с тобой поболтать. Думаю, пойду пообедаю.

Тот кивнул и похлопал его по спине. Хатч прошёл через весь магазин и уже опустил руку на стеклянную дверь, когда Бад кашлянул.

– И ещё одно, Малин.

Хатч замер. Он знал, что слишком легко отделался, и теперь ждал, опасаясь вопроса, которому суждено быть заданным.

– Ты всё-таки поосторожней с лакрицей, – очень серьёзно заметил Бад. – Эти зубы не вечны, знаешь ли!

7

Хатч выбрался на палубу «Плэйн Джейн», потянулся и, прищурившись, осмотрел бухту. Стормхавэн тих, чуть ли не вымер под ярким светом дневного июльского солнца, и Малина это лишь обрадовало. Вчера вечером он залил бифштекс чуть большим числом «Бифитеров», чем намеревался, и сегодня проснулся с первым похмельем за последние чуть ли не десять лет.

Сегодняшний день оказался первым... Это первый день, когда он заночевал в каюте судна – с тех пор как ездил по Амазонке. Малин уже и забыл, каким это может быть тихим и мирным – оставаться в одиночестве в компании одних лишь волн, которые нежно покачивают лодку. Также это первый день, сколько он себя помнил, когда особо нечего делать. Лаборатория закрыта на весь август, а поставленный в тупик Брюс, лаборант, отправлен на подведение предварительных итогов под присмотром коллеги. Дом в Кембридже заперт, домоуправительнице сказано, что он не вернётся до сентября. «Ягуар» как можно бережней припаркован на пустой стоянке за старым хозяйственным магазином.

Вчера, незадолго до того, как выписаться из гостиницы в Сауфпорте, он получил записку от Найдельмана – одну-единственную фразу, в которой тот попросил его о встрече у острова Рэгид сегодня на закате. И это значило, что у Малина свободен весь день. Поначалу доктор опасался, что целый день будет один на один с воспоминаниями. Он даже подумал, не взять ли акварели, которые на выходных всегда с ним, и не рискнуть ли сделать набросок побережья. Но намерение так и осталось лишь намерением. По какой-то причине здесь, на воде, его охватило чувство апатичного спокойствия. Он вернулся домой, в Стормхавэн. Даже побывал вблизи острова Рэгид, воочию увидел зверя и выжил.

Хатч бросил взгляд на часы. Почти семь тридцать, пора.

Он завёл мотор и с удовольствием услышал, как послушно заработал мощный дизель. Низкие вибрации под ногами, «буб-буб» выхлопов – всё показалось подобным песням сирен из прошлого, некогда сладкого и причиняющего боль. Толчком руки Хатч подбавил ходу и направил нос «Плэйн Джейн» на остров Рэгид.

День выдался погожий. Продолжая управлять лодкой, Хатч увидел, как, отделённая широкой полосой воды, вырисовывается перед ним тень острова Хермит – контраст в солнечном свете. Океан оказался пуст, если не считать одинокую рыбацкую лодку у берегов. Рыбак вытягивал сети. Сегодня Хатч несколько раз выходил на палубу, осматривая горизонт, наполовину ожидая увидеть какую-либо активность у острова Рэгид. Так ни разу и не заметив ничего, кроме моря и неба, он даже не разобрался, что чувствует – разочарование или облегчение.

За пределами бухты воздух оказался заметно прохладнее. Но вместо того, чтобы спуститься вниз и надеть ветровку, Хатч лишь подбавил ходу, повернув лицо к ветру и приоткрыв рот навстречу солёным брызгам, которые взмывали в воздух, когда «Плэйн Джейн» прорезала зыбь. Каким-то образом, чувствовал он, это очищает – быть здесь одному; чувствовал, что ветру и воде по силам стряхнуть с него паутину и грязь, что накопились за четверть века.

Внезапно на западной части горизонта, впереди, появилась тёмная тень. Хатч сбавил скорость, чувствуя старое, знакомое чувство тревоги. Сегодня туман вокруг острова был тонок, но очертания острова по-прежнему оставались неясными и отталкивающими, а лебёдки на нём торчали наподобие обрушенных минаретов незнакомого города. Хатч переложил руль налево, сохраняя дистанцию и готовый к тому, чтобы описать круг.

Затем он увидел незнакомое судно, стоящее на якоре в четверти мили от острова, с подветренной его стороны. Когда Хатч приблизился, стало ясно, что это старый пожарный катер, сделанный из дерева коричневого цвета – либо красного дерева, либо тика. Поперёк кормы строгими золотыми буквами шло название – «ГРИФФИН». А ниже, буквами поменьше: «Мистик, Коннектикут».

Хатч решился было подойти поближе, но затем передумал и выключил двигатель в сотне ярдов от корабля. Катер казался пустым, никто не вышел на борт, чтобы поприветствовать «Плэйн Джейн». На какой-то миг Хатч даже подумал, что «Гриффин» может принадлежать какому-нибудь туристу или одинокому золотоискателю, но уже почти закат; если это и совпадение, то слишком уж невероятное.

Малин с любопытством осмотрел катер. Если это корабль команды Найдельмана, то выбор необычен – но весьма практичен. Недостаток скорости с лихвой компенсировался остойчивостью; Хатч почувствовал уверенность, что судно может пережить чуть ли не любой шторм, а двигатели спереди и сзади делали катер весьма маневренным. Катушки шлангов и пункты контроля убраны, таким образом высвобождая большую часть палубы. Шлюп-балки, палубная надстройка и прожекторы оставили, а на корму водрузили управляемый компьютером кран. Хатч перевёл взгляд вверх – на просторную рулевую рубку и мостик. Над ними – обычная группа антенн, лоран и радар, с набором дополнительного оборудования, не обязательно морского: микроволновая антенна, спутниковая тарелка, радар воздушной разведки и антенны VLF³. *Оснащение впечатляет*, – подумал Хатч. Он опустил руку на панель, собираясь дать гудок.

И помедлил. Из-за молчаливого корабля, из-за покрытого туманом острова до него донеслись глухие звуки биения, настолько низкие, что их, скорее, можно считать инфразвуком. Вслушиваясь, Малин убрал руку с панели. Через минуту он окончательно убедился: это двигатель судна, которое пока далеко, но быстро приближается. Хатч осматривал горизонт, пока не углядел на юге серое пятно. На какой-то миг заходящее солнце высветило на далёком судне некую металлическую конструкцию. *Видимо, корабль «Талассы», – подумал он. – Плывёт из Портленда.*

Затем Хатч увидел, что пятно неспешно разделяется на два, затем на три, и в итоге на шесть пятнышек. Не веря своим глазам, он смотрел, как на крошечный островок надвигается настоящая флотилия. Огромная баржа шла на него на всех парах, её тёмное красное брюхо вырисовывалось всё яснее, и вот уже стало видно, как волны откатывают от ватерлинии. За ней в кильватере следовал буксир, такелаж на носу покрыт мхом и поблёскивал. Буксир тянул за собой плавучий кран. За ними следовала группа моторных катеров, блестящих и мощных, ошетилившихся электроникой. А следом плыл сухогруз, сидящий низко в воде, видимо, полностью загруженный. С мачты последнего свисал небольшой бело-красный флаг. Хатч отметил, что рисунок на флаге в точности такой же, как на портфеле Найдельмана, который он видел лишь несколько дней назад.

Последним приближалось элегантное судно, достаточно крупное и невероятнейшим образом оборудованное. На носу синими буквами было выведено название – «Цербер». Хатч с трепетом окинул взглядом блестящую палубную надстройку, гарпунную пушку на передней палубе, закрытые тёмным стеклом иллюминаторы. *Водоизмещение пятнадцать тысяч, не меньше*, – подумал он.

Словно в молчаливом танце, корабли выстроились носом к «Гриффину». Суда побольше остановились с другой стороны пожарного катера, в то время как те, что поменьше, подошли ближе к «Плэйн Джейн». Раздались лязги цепей и пение тросов – корабли сбросили якоря. Бросая взгляд на моторные катера, подплывающие слева и справа, Хатч отметил, что их обитатели, в свою очередь, тоже смотрят на него, а некоторые улыбаются и кивают. В ближайшем катере Хатч увидел мужчину с серыми волосами цвета железа и пухлым белым лицом, который посмотрел на него с выражением вежливого интереса. Поверх застёгнутого на все пуговицы костюма на нём был одет громоздкий оранжевый спасательный жилет. Рядом стоял молодой

³ [3] остойчивость (мор.) – устойчивость к крену; «Лоран» – система дальней радионавигации. Антенны VLF (Very Low Frequency) позволяют принимать радиоволны очень большой длины, частотой ниже 22 кГц. – прим. Пер.

человек с длинными жирными волосами и бородкой, одетый в летние бермудские шорты и цветастую рубашку. Сейчас тот поедал что-то из белого бумажного свёртка. Парень удостоил Малина высокомерным равнодушным взглядом.

Стихли последние звуки моторов, и на собрание опустилась странная призрачная тишина. Хатч переводил взгляд с корабля на корабль, и заметил, что глаза присутствующих устремлены на пустую палубу пожарного катера в центре.

Прошла минута, затем две. Наконец дверь рулевой рубки отворилась, и появился капитан Найдельман. Он молча подошёл к борту и остановился, прямой как шомпол, чтобы окинуть взглядом собравшихся. Лучи предзакатного солнца придали его загорелому лицу красноватый оттенок и окрасили редящие светлые волосы золотым. Малина поразило, насколько ощутимо его присутствие на море, в кругу кораблей. Когда молчание стало абсолютным, ещё один мужчина, небольшого роста и жилистый, тихо вышел из двери за спиной Найдельмана и остался стоять там со сложенными на груди руками.

Какое-то время Найдельман продолжал молчать. Наконец он заговорил – тихо, чуть ли не благоговейно, и, однако, слова с лёгкостью доносились до слушателей.

– Мы живём в эпоху, – начал Найдельман, – когда неизвестное стало известным, и большая часть земных тайн разгадана. Мы побывали на Северном полюсе, взобрались на Эверест, побывали на Луне. Расщепили атом на части и нанесли на карту дно океанов. Те, кто брался за решение этих задач, зачастую подвергали опасности свои жизни, теряли состояния и рисковали всем, что было им дорого. Великая тайна может быть разгадана только высокой, а иногда и наивысшей ценой.

Капитан жестом указал на остров.

– Здесь – лишь в сотне ярдов отсюда – лежит одна из величайших загадок, быть может, величайшая из тайн, оставшихся в Северной Америке. Подумайте об этом. Это – ничто, лишь яма на клочке грязи и скал. И, однако, эта яма – этот Водяной Колодец – выматывал каждого, кто пытался проникнуть в его секреты. Миллионы долларов были потрачены. Жизни разбиты и даже потеряны. И сегодня среди нас есть те, кто на себе почувствовал, насколько острыми могут оказаться зубы Водяного Колодца.

Найдельман осмотрел аудиторию, рассыпанную по кораблям. Его взгляд встретился с глазами Малина. Затем капитан продолжил.

– Значение прочих загадок прошлого – монолитов Саксауамана, статуй острова Пасхи, каменных сооружений в Британии – покрыто тайной. С Водяным Колодцем всё обстоит совсем иначе: его расположение, цель создания, даже его история известны. Он лежит здесь, перед нами – наглый вызов всем, кто за него берётся.

Он несколько мгновений помолчал.

– К 1696-му году Эдвард Окхэм сделался самым страшным пиратом морей. Корабли разбойничьего флота были битком забиты трофеями – неповоротливые, они низко сидели в воде. Следующий шторм, или даже просто неудачное столкновение с военным кораблём, – и весь флот мог пойти на дно. Пират так долго откладывал утаивание своих сокровищ, что находился в отчаянном положении. Случайно на его пути попался архитектор, и это разрешило проблему.

Найдельман облокотился на борт, его волосы зашевелились на ветру.

– Окхэм захватил архитектора в плен и заставил разработать колодец, чтобы укрыть сокровища. Колодец, настолько неприступный, что поставит в тупик даже самых экипированных золотоискателей. Всё шло по плану. Колодец был сооружён, сокровища зарыты. И затем, когда пират отправился на очередной рейд убийств и грабежей, ударило провидение. Рэд-Нед Окхэм умер. И с того самого дня его сокровища дремлют на дне Водяного Колодца, в ожидании той поры, когда технология и мужество человека снова явят их на свет.

Найдельман сделал глубокий вдох.

– Несмотря на потрясающую стоимость этого сокровища, все попытки одних людей за другими добыть из Колодца хоть что-нибудь ценное провалились. Все, кроме одной!

При этих словах капитан резко поднял руку вверх, что-то сжимая меж пальцев. Свет заходящего солнца настолько ослепительно мерцал и переливался на предмете, что, казалось, кончики пальцев Найдельмана горят. Среди слушателей раздались удивлённые и озадаченные перешёптывания.

Хатч перегнулся через бортик, силясь рассмотреть получше. *О, Боже*, – подумал он. – *Должно быть, это то золото, которые вытаскил бур «Золотоискателей» больше ста лет назад!*

Найдельман довольно долго неподвижно держал над головой золотую спираль. А затем заговорил снова:

– Некоторые твердят, что на дне Водяного Колодца никаких сокровищ нет. И я обращаюсь к ним: взгляните на это!

И, когда последние лучи солнца окрасили воду и корабль тёмно-розовым, Найдельман повернулся к окнам рулевой рубки «Гриффина». Взяв небольшой молоток, он опустил кусочек золота на стену рубки и гвоздём приколол к дереву. Потом отошёл на шаг в сторону и снова повернулся к аудитории, а золото осталось блестеть на надстройке.

– Сегодня, – сказал он, – остальные сокровища Окхэма покоятся на дне колодца, как покоились триста лет, недоступные ни солнцу, ни дождю. Но завтра их долгому отдыху наступит конец. Потому что утерянный ключ найден вновь. И, прежде чем наступит конец лета, сокровище будет поднято.

Он сделал паузу, осматривая группу кораблей.

– У нас много дел. Мы должны убрать остатки прошлых неудачных попыток и сделать поверхность безопасной. Должны определить расположение того самого колодца. Затем нам придётся найти и запечатать тайный подводный туннель, по которому поступает вода. Нам надо будет откачать ту воду, что уже в шахте, и укрепить стенки, чтобы можно было проникнуть в сокровищницу. Сложности огромны. Но мы явились сюда подготовленными, с технологией, которая более чем адекватна этим сложностям. Нам придётся иметь дело с, быть может, самым гениальным творением человека семнадцатого столетия. Но Водяной Колодец – не противник для инструментов двадцатого столетия. С помощью всех, кто здесь собрался, мы совершим величайшую операцию по подъёму сокровищ, которая войдёт в историю.

Раздались было аплодисменты, но Найдельман жестом заставил их стихнуть.

– Сегодня среди нас находится доктор Малин Хатч. Благодаря именно его великодушию мы можем начать работы. И он – больше чем кто-либо – знает, что мы находимся здесь не только из-за золота. Мы изучаем историю. Мы хотим больше узнать. И мы здесь, чтобы гарантировать – в конце концов, – что жертвы тех храбрецов, которые побывали на острове до нас, были не напрасны.

На секунду он опустил голову, а затем отошёл от борта. Раздались рассеянные аплодисменты, тонкий водопад звуков зазвучал над волнами, и вдруг все собравшиеся взорвались стихийными выкриками. Люди размахивали руками, бросали кепки в воздух – вокруг «Гриффина» кругами расходился радостный вопль возбуждения, пыла и ликования. Хатч понял, что тоже кричит, и, когда слезинка потекла по щеке, у него возникло абсурдное чувство, что Джонни заглядывает ему через плечо и смотрит на них с мрачным интересом, всей своей юной душой желая обрести, наконец, покой.

8

Днём позже Хатч стоял у руля «Плэйн Джейн», наблюдая за подготовительными работами, что велись вокруг. Чуть ли не вопреки своей воле он почувствовал нарастающее волнение. Два стоящих рядом передатчика – сканер, покрывающий все каналы экспедиции, и рация, нацеленная на выделенную медицинскую частоту – время от времени потрескивали и выдавали обрывки переговоров. Океан оставался спокоен, его поверхность была едва тронута лёгким волнением. Чувствовался нежный береговой бриз. В этот день извечный туман, казалось, истончился, превратившись в просвечивающееся полотно, неплотно окутавшее остров. Идеальный день для разгрузки, и капитан Найдельман воспользовался им на полную катушку.

Хотя «Плэйн Джейн» осталась стоять на якоре на том же месте, где и вчера – сразу за рифами острова Рэгид, – ландшафт поменялся кардинально. Работы начались вскоре после заката и с рассветом ускорились. Огромная баржа теперь прочно покоилась на двух якорях у восточного побережья острова, удерживаемая двумя массивными цепями, которые группа ныряльщиков Найдельмана надёжно укрепила на каменном дне. Хатч наблюдал, как стотонный плавучий кран ставят на якорь у западной оконечности острова, и длинная гидравлическая стрела нависает над берегом наподобие хвоста скорпиона, в готовности переносить рухлядь, скопившуюся за двести лет охоты за сокровищами. В тени крана – «Гриффин», корабль Найдельмана. Малин едва сумел разглядеть на мостике жёсткую, тощую фигуру капитана, который пристально наблюдает за ходом работ.

Крупное исследовательское судно «Цербер» оставалось за чертой тумана, тихое и неподвижное, словно не желающее устаивать сушу своим приближением. Два его катера, «Наяда» и «Грампус», ещё рано утром доставили команду на берег, и теперь бороздили прибрежные воды. По тому, как передвигалась «Наяда», Хатч мог с уверенностью заявить, что она занята картографией дна. «Грампус» же сканировал сам остров с помощью незнакомого Малину оборудования.

Доктор продолжал наблюдать за кипучей деятельностью вокруг, пока его взгляд, наконец, не упал на остров. Малин снова почувствовал тошнотворное чувство внутри. Быть может, оно никогда не исчезнет. Но он принял решение, и это само по себе сняло с плеч неподъёмную ношу. Теперь он каждое утро пробуждался всё с большей и большей убеждённости – решение верное. Вчера вечером он даже поймал себя на мысли, что ему делать с чуть ли не миллиардом долларов – и решил: вложит его целиком, до последнего цента, в благотворительный фонд имени брата.

Внезапный проблеск белого на острове привлёк к себе внимание, прежде чем снова исчезнуть в тумане. Где-то, знал он, группы людей уже бродят по острову, находят старые туннели, натягивают лееры ограждений, вешают ярлычки на древний мусор, скрытый в зарослях кустов, чтобы убрать после. «Заросли крапивы», – подумал про себя Хатч и продекламировал вслух:

Сонм бесчисленных пружин в крапиве скрыт,
И борона, насквозь заржавленная,
И плуг давно поломанный,
И валик тоже, каменный⁴

Прочие группы, как он знал, извлекают образцы из балок, которые подпирают стенки бесчисленных колодцев, чтобы затем датировать их радиоуглеродным методом в лаборатории

⁴ Эдвард Томас (1878-1917). – прим. пер.

«Цербера», определить возраст самих шахт и попытаться понять, которая из них – настоящий Водяной Колодец. Хатч поднёс к глазам бинокль и медленно осматривал остров, пока не обнаружил одну из этих групп – белые призрачные фигурки в тумане. Люди выстроились в неровную линию и медленно передвигались вперёд, с помощью секаторов и топоров прорубаясь сквозь заросли черёмухи и время от времени останавливаясь, чтобы сделать фотографии или набросать кое-какие записи. Один из мужчин помахивал перед собой металлодетектором, в то же время другой зондировал почву длинным, узким инструментом. В голове группы Малин заметил немецкую овчарку, что усердно обнюхивала землю. *Должно быть, натаскана на взрывчатку*, – подумал Хатч.

Всего по острову сновало около пятидесяти человек. Все – сотрудники «Талассы», и все – хорошо оплачиваемые: Найдельман сказал, что, за исключением главной полудюжины или около того, которые получают долю сокровищ вместо оклада, рядовые сотрудники получают по двадцать пять тысяч долларов. Неплохо – в особенности если учесть, что большинство покинет остров в течение двух недель, как только будет завершена сборка различных агрегатов, и сушу укрепят.

Хатч продолжил осмотр острова. На безопасной северной его оконечности – единственной части, где можно ходить без опаски – появились причал и пирс. Рядом буксир сгружал гору оборудования: упакованные генераторы, ацетиленовые баллоны, компрессоры, электронику. На берегу уже сложены аккуратные штабеля железных уголков, гофрированного олова, деревянных брусков и фанеры. По импровизированной дороге угрожающего вида вездеход с выпуклыми шинами тянет за собой трейлер с оборудованием. Неподальку группа техников принимается за создание телефонной сети острова, в то время как ещё одна возводит бараки. К завтрашнему утру один из этих барачков станет новым офисом Хатча. Поразительно, как быстро всё происходит.

Однако, Хатч по-прежнему не спешил ступить ногой на остров Рэгид. *Завтра и так наступит довольно скоро*, – подумал он.

До него донёсся раскатистый грохот, когда очередную порцию тяжёлого оборудования выгрузили на пирс. Звуки с лёгкостью пролетали над водой. Хатч знал, что даже без помощи Бада Роуэлла весь Стормхавэн, должно быть, гудит от новостей о его возвращении и неожиданной суматохе на острове. Малин почувствовал себя несколько виноватым при мысли о том, что не мог рассказать обо всём Баду два дня назад. Теперь тот, безусловно, сам разобрался, что к чему. Хатч отвлечённо подумал, что говорят люди. Быть может, некоторые из горожан подозревают его мотивы. Но если даже и так, пусть: ему нечего стыдиться. Несмотря на то, что банкротство деда сняло с его семьи юридическую ответственность, отец постепенно – с трудом, год за годом – оплатил все долги семьи. Не было человека лучше, чем отец. И это благородство характера сделало его нелепый, патетичный конец ещё более страшным... Хатч отвернулся от острова, отказываясь продолжать размышления на эту тему.

Он глянул на часы. Одиннадцать; в штате Мэн – ланч. Малин направился вниз, совершил налёт на холодильник и вернулся с рулетом из омара и бутылкой имбирного эля. Вскрабкавшись в кресло капитана, опустил ноги на нактоуз и жадно вгрызся в рулет. *Забавный факт насчёт морского воздуха*, – подумал Хатч. – *Всегда вызывает жуткое чувство голода*. Быть может, стоит провести исследование на эту тему для «Журнала Американской Ассоциации Медиков». А его лаборанту, Брюсу, совсем не повредит хорошая доза солёного воздуха. Да, впрочем, и любого воздуха, если уж на то пошло.

Пока он ел, одинокая чайка опустилась на леер и вопрошающе посмотрела на него. Хатч знал, что рыбаки терпеть не могут чаек – называют их «крысами с крыльями» – но сам всегда испытывал слабость к этим громкоголосым, вечно роющимся в отбросах птицам. Доктор подбросил в воздух кусочек омара; чайка подхватила его на лету и поспешно взмыла ввысь, подгоняемая двумя товарками. Вскоре все трое вернулись и уселись на гакаборт, уставившись

на человека голодными чёрными глазами. *Ну, на этом – всё,* – добродушно подумал Хатч, выковыривая из рулета ещё один кусочек и швыряя его в среднюю птицу.

В мгновение ока все три птицы оказались в воздухе, отчаянно молотя крыльями. Чувство радости от забавы сменилось удивлением, когда Хатч понял, что они и не пытаются поймать омара, но вместо этого как можно стремительней уносятся прочь от «Плэйн Джейн». Среди хлопанья крыльев он услышал мягкий шлепок омара о палубу.

Пока Малин, нахмурившись, продолжал смотреть вслед чайкам, он явственно почувствовал под ногами содрогание палубы и приподнялся в кресле, чтобы глянуть на якорный канат. Первая мысль – канат порвался и «Плэйн Джейн» села на мель; но тот по-прежнему оставался туго натянут. За исключением тонкой вуали тумана, что опоясала остров, небо над головой ясное; молнии не было. Хатч принялся поспешно осматриваться в поисках чего-либо необычного. Может быть, взрыв динамита? Да нет же, для этого ещё не время...

И тут его взгляд упал на клочок океана в области прибрежных рифов, в сотне ярдов от корабля.

На площади футов в тридцать диаметром безмятежная поверхность моря внезапно и резко изменилась. Там гребнем вырвалось множество пузырьков, которые взбаламутили воду. Ещё одно содрогание палубы – и очередной выброс пузырьков. Когда те, наконец, иссякли, поверхность воды принялась вращаться против часовой стрелки; сначала медленно, затем быстрее. В центре появилась ямка, моментально сжимаясь в воронку. *Водоворот,* – подумал Хатч. – *Какого чёрта?...*

Треск статики на сканере заставил Хатча метнуться к поручням. На этой частоте раздались истеричные вопли; сначала кричал один человек, затем голосов стало больше. «...Человек внизу!» – донеслось через буйство звуков. «...Обвяжите вокруг него трос!» – прокричал другой голос. А затем: «Осторожней! Эти брусья вот-вот обвалятся!»

И тут неожиданно зазвучал голос в медицинской рации.

– Хатч, ты здесь? – чётким тоном спросил Найдельман. – Человек на острове попал в яму.

– Понял, – произнёс Хатч, запуская мощный дизельный мотор. – Сейчас подведу лодку к пирсу.

Порыв ветра сорвал с острова клочки тумана, и теперь неподалёку от центра острова Малин увидел группу одетых в белое людей в неистовой суматохе.

– Забудь о пирсе, – сказал Найдельман, в его голосе прозвучала новая нота – нетерпеливости. – Нет времени. Он умрёт через пять минут.

Хатч в отчаянии осмотрелся. Затем вырубил двигатели, сграбастал медицинский чемоданчик и протащил ялик «Плэйн Джейн» вдоль борта судна. Сорвав трос с крепления, доктор швырнул его в ялик, и затем перелез туда же. Лодка резко накренилась от внезапного изменения веса. То ли опускаясь на колени, то ли падая, Хатч рванул стартер. Подвесной мотор с сердитым жужжанием ожил. Вцепившись в руль, Малин направил ялик на рифы. Где-то в южной их части было два узких просвета между зазубренных подводных скал. Оставалось лишь надеяться, что он помнит, где именно.

Когда берег приблизился, Хатч отметил, что вода под носом меняет цвет; из непостижимо серого становится зелёной. *Если бы волнение было сильнее,* – подумал он, – *сквозь волны я сумел бы увидеть скалы.* Брошенный на часы взгляд сказал – у него нет времени, чтобы действовать наверняка. Глубоко вдохнув, Хатч стремительным ударом кисти подбавил оборотов. Лодка жадно рванулась вперёд, и зелёные очертания подводных рифов стали заметно светлее – глубина быстро снижалась. Хатч схватился за мотор, готовясь к толчку.

И потом дно снова ушло вниз – рифы позади. Хатч направил ялик к небольшому пляжу из гальки меж двух «китовых спин», до самой последней секунды удерживая скорость на максимуме. Затем вырубил мотор и вытянул его из воды, приподняв винт над волнами. Доктор почувствовал резкий удар – нос ялика ударился о берег и заскользил по гальке.

Ещё до того, как лодка окончательно остановилась, Хатч уже карабкался по насыпи, сжимая в руке чемоданчик. Теперь он услышал прямо перед собой крики и вопли. Взорвавшись наверх, на мгновение остановился. Перед ним простёрлись нетронутые заросли черёмухи и ароматных кустов шиповника, что раскачивались на ветру, скрывая под собой смертельно опасную поверхность. Сотрудники «Талассы» ещё не успели обследовать эту дику южную часть острова. *Просто самоубийство – бежать здесь*, – подумал Малин, а его ноги, несмотря ни на что, уже пришли в движение. В следующий миг он уже ломился сквозь кусты, подпрыгивая над старыми балками, и стремительно проносился мимо заржавевших платформ, то и дело огибая зияющие провалы.

Через минуту он оказался в группе одетых в белое фигур, что обступили неровные края ямы. Из мрачной её утробы доносились запахи морской воды и свежей земли. К стоящей рядом лебёдке прицепили несколько тросов.

– Я – Стритер! – прокричал Малину один из мужчин. – Руководитель группы.

Оказалось, именно он стоял за спиной Найдельмана во время вчерашнего выступления – тощая фигура, сжатые губы, армейская стрижка.

Не говоря ни слова, ещё двое принялись обматывать вокруг Малина ремни безопасности.

Хатч бросил взгляд в яму, и его желудок непроизвольно сжался. Несколькими десятками футов ниже – невозможно сказать точнее – доктор увидел жёлтые стрелы лучей от фонариков. Двое людей, обвязанные канатами, бешено сражались с толстой балкой. А под ней Хатч с ужасом разглядел ещё одного человека. С открытым ртом, тот слабо шевелился. Малину показалось, что душераздирающий вопль пострадавшего слышно даже поверх рёва воды.

– Какого дьявола, что случилось? – проорал Хатч, выхватывая из чемоданчика аптечку.

– Один из группы датирования свалился в шахту, – ответил Стритер. – Его зовут Кен Филд. Мы спустили канат, но зацепили за балку, вызвали что-то вроде обвала. Брус упал ему на ноги, прижал их – а вода поднимается, и быстро. У нас три минуты, не больше.

– Так дайте ему акваланг! – прокричал Хатч, подавая знак опускать его вниз.

– Нет времени, – донёсся ответ Стритера. – Аквалангисты в море.

– О, да, неплохо ж вы ведёте работы!

– Его уже обвязали тросом, – продолжил Стритер, мгновение помолчав. – Просто вытащите его из-под балки, и мы его поднимем.

Вытащить его? – подумал Хатч в тот самый миг, когда его толкнули с края пропасти. Но, прежде чем сумел подумать о чём-либо ещё, он уже мерил замкнутое пространство шахты, в котором грохот воды чуть ли не оглушал. Какой-то миг Малин провёл в состоянии свободного падения, но затем ремни грубо остановили его на уровне двух спасателей. Мгновение поболтавшись в воздухе, доктор нащупал опору и бросил взгляд вниз.

Мужчина лежал на спине, а массивный брус намертво пережал ноги по диагонали – через левую лодыжку и правое колено. Он снова и снова открывал рот, крича от боли. Один из спасателей сгребал в сторону от пострадавшего камни и грязь, в то время как второй был занят тем, что рубил брус тяжёлым топором. Во все стороны летели щепки, заполняя ствол шахты запахом прогнившего дерева. А ещё ниже поднималась вода, поднималась со страшной скоростью.

Малин сразу понял, что это бесполезно: они ни за что не успеют разрубить брус в оставшееся время. Хатч ещё раз бросил взгляд на поднимающуюся воду и проделал в уме быстрое вычисление: до того, как вода накроет пострадавшего, остаётся не более двух минут – даже меньше, чем считает Стритер. Доктор заново обдумал все варианты и понял, что их нет. Нет времени ни для обезболивающих, ни для анестезии, – вообще ни для чего. В отчаянии Хатч порывлся в аптечку; пара скальпелей, достаточно длинных, чтобы сковырнуть заусенцы – и всё. Отбросив их в сторону, принялся сдирать с себя рубашку.

– Проверь, что его трос держит! – проорал он первому спасателю. – Потом бери аптечку и выметайся!

Затем Хатч обратился ко второму.

– А ты оставайся, и будь готов тащить его наверх!

Малин разорвал рубашку на две части. Скрутив один рукав, повязал его поверх левой ноги мужчины, пятью дюймами ниже колена. Второй рукав таким же образом наложил на мясистую часть правого бедра. Хатч завязал узлом сначала один рукав, затем второй, затягивая их со всех сил.

– Давай топор! – крикнул он тому спасателю, что остался. – И готовься тащить!

Не говоря ни слова, мужчина протянул ему топор. Хатч встал над Кеном и, крепко упервшись ногами, поднял инструмент над головой.

Глаза жертвы расширились во внезапном понимании.

– Нет! – заорал он. – Нет, пожалуйста...

Хатч что было сил опустил топор на левую голень. Лезвие вонзилось в плоть, и на какой-то миг у Малина появилось странное чувство, будто он срубает зелёный ствол молодого деревца. Миг сопротивления – и затем плоть уступила. Крики мужчины смолкли, но его глаза по-прежнему остались открытыми и едва не вылезли из орбит – а на шее выступили натянутые связки. В ноге открылась широкая, неровная щель, и на какой-то миг в слабом свете туннеля мясо и кость оставались на виду. Затем вода, поднявшись, забурлила вокруг раны, и та наполнилась кровью. Малин быстро ударил топором ещё раз, и нога отделилась, а вода вспенилась красным, налетая на брус. Голова мужчины метнулась назад, и он в беззвучном крике широко открыл рот. В свете фонарика стали ясно видны пломбы в коренных зубах.

Хатч сделал шаг назад и несколько раз глубоко вдохнул. Усилием воли унял дрожь, что уже началась в запястьях и предплечьях. И затем встал так, чтобы заняться правым бедром мужчины. Это будет труднее. Намного труднее. Но вода уже бурлила над коленом – времени терять некогда.

Первый удар пришёлся по чему-то более мягкому, чем дерево, но упругому и неподатливому. Мужчину мотнуло в сторону, и он потерял сознание. Второй удар пришёлся в другое место, и поперёк колена появился тошнотворный надрез. А потом вода забурлила вокруг бедра, подбираясь к талии Кена. Оценив, куда следует направить удар на этот раз, Хатч перехватил топор, мгновение помедлил и с невероятной мощью обрушил его вниз. В тот же миг, когда лезвие ушло под воду, Малин почувствовал, что на этот раз он попал, и по треску кости понял, что нога подалась.

– Тащи его! – проорал Хатч.

Спасатель два раза дёрнул за трос, который моментально натянулся. Плечи лежащего расправились, и он оказался в сидячем положении, но огромный брус так и не дал его освободить: нога обрублена не до конца. Трос снова дал слабину, мужчина упал на спину, и чёрная вода уже подобралась к его ушам, носу и рту.

– Дай секатор! – крикнул Малин.

Зажав в руке подобный machete инструмент, он глубоко вдохнул и поднырнул под беспокойную поверхность воды. Двигаясь наощупь вдоль правой ноги, доктор дотянулся до обрубка и быстро надрезал лезвием последние сухожилия, что упорно держали.

– Ещё раз! – кашляя, выкрикнул он в тот же миг, когда его голова вырвалась на поверхность.

Трос рванулся, и на этот раз потерявший сознание мужчина буквально вылетел из-под воды. С обрубков ног стекали кровь и грязь. Следующим подняли спасателя, а через несколько мгновений Хатч почувствовал, что и сам, подобно ракете, взмывает в воздух. Буквально через несколько секунд его выдернули из-под земли, из тёмной мокрой ямы. Едва успев нащупать под собой твёрдую почву, Хатч бросился к лежащему в густой траве низины Кену. Торопливо обратил внимание на жизненные показатели: тот не дышал, но сердце ещё билось, часто и

слабо. Несмотря на наложенные импровизированные жгуты, кровь сочилась из жестоких ран на обеих ногах.

ВДК, – переводя дух, подумал Хатч, – *воздух, дыхание, кровообращение*. Он раскрыл мужчине рот, пальцем очистил его от грязи и рвоты, и затем уложил тело на левый бок в позу эмбриона. К огромному облегчению доктора, изо рта потерявшего сознание вылилась струйка воды, и послышался вдох. Хатч моментально перешёл к стабилизирующим процедурам: десять вдохов и выдохов рот-в-рот, затем пауза, чтобы потуже затянуть жгут на левой ноге; ещё десять вдохов-выдохов – и пауза, чтобы затянуть жгут на правой; ещё десять вдохов-выдохов – и проверка пульса.

– Подайте аптечку! – прокричал он, обращаясь к ошеломлённой группе людей. – Мне нужен шприц!

Кто-то схватил сумочку и принялся рыться в содержимом.

– Брось её мне, Христа ради!

Мужчина подчинился, и Хатч сам выудил из беспорядочной кучки медикаментов шприц и ампулу. Наполнив шприц одним кубиком адреналина, Малин сделал подкожную инъекцию в плечо пострадавшего. И снова вернулся к дыханию рот-в-рот. На счёт «пять» мужчина закашлялся и самостоятельно сделал слабый вдох.

Стритер шагнул вперёд, сжимая в руке мобильник.

– Мы связались с вертолётной медицинской службой, – сказал он. – Он будет ждать на верфи Стормхавэна.

– К чёрту, – огрызнулся Хатч.

Стритер нахмурился.

– Но вертолёт...

– ...Вылетит из Портленда. И ни один из тамошних бестолковых пилотов не сможет выбросить корзину, зависнув в воздухе.

– Но разве мы не отправим его на материк...?

Хатч резко повернулся к нему.

– Ты что, не видишь, что он не доживёт до того, как мы доведём его до материка? Лучше свяжись с береговой охраной.

Стритер вызвал из памяти аппарата номер, и безмолвно отдал телефон Малину.

Хатч попросил к телефону медика и принялся торопливо описывать состояние пациента.

– Двойная ампутация, одна выше, другая ниже колена, – начал перечислять Малин. – Обширная потеря крови, глубокий шок, пульс слабый – пятьдесят пять, немного воды в лёгких, до сих пор без сознания. Направьте к нам вертолёт с лучшим пилотом. Места для приземления здесь нет, потребуется сбросить корзину. Захватите солевой раствор и плазму, если она у вас есть. Но самое главное – давайте живее. Одна нога здесь – другая там!

Он прикрыл ладонью телефон и повернулся к Стритеру.

– Есть шанс достать ноги в течение часа?

– Не знаю, – ровно ответил Стритер. – Вода размочит стенки туннеля, он может обрушиться. Быть может, мы отправим водолаза на разведку.

Хатч покачал головой и снова заговорил в телефон.

– Пациента нужно будет напрямик направить в Медцентр Восточного Мэна. Предупредите отделение травматологии, пусть подготовят операционную. Есть вероятность того, что мы сумеем достать ноги. Так что пусть хирург из микрососудистой тоже будет поблизости – на всякий пожарный.

Он с хлопком сложил телефон и отдал его Стритеру.

– Если сможете достать ноги без особого риска, действуйте!

И снова вернулся к травмированному. Пульс слишком низкий, но ровный. Что более важно, мужчина начал приходить в сознание – засучил обрубками ног и застонал. Хатч снова

почувствовал приступ облегчения: если бы тот оставался без сознания ещё долгое время, прогноз был бы неважным. Малин порылся в медикаментах и дал мужчине пять миллиграммов морфия – достаточно, чтобы облегчить страдания, но и не слишком много, чтобы не опустить пульс ещё ниже. А после бросил взгляд на то, что осталось от ног – и внутренне сжался при виде неровных ран и разбитых вдребезги костей. Да уж, тупое лезвие топора – совсем не то, что элегантные, аккуратные пилы операционной. Хатч обратил внимание на несколько кровоточащих сосудов, в особенности на бедренную артерию правой ноги. Порывшись в аптечке, взялся за иголку с ниткой и принялся накладывать петли на вены и артерии.

– Доктор Хатч? – обратился к нему Стритер.

– Что? – ответил Малин с лицом в дюймах от культи, пытаясь пинцетом вытянуть среднего размера вену, которая уже спряталась.

– Капитан Найдельман хочет с вами поговорить, если у вас найдётся время.

Хатч кивнул, затягивая петлю на вене, затем проверил жгуты и промыл раны.

– Да? – произнёс он, поднимая рацию.

– Как он? – спросил Найдельман.

– Неплохой шанс, что выкарабкается, – ответил Хатч. – Если не будет задержек с вертолётом.

– Ну, слава Богу! А ноги?

– Даже если их достанут, сомневаюсь, что их можно пришить. Вам с руководителем группы будет лучше пересмотреть технику безопасности. Несчастного случая можно было запросто избежать.

– Понимаю, – сказал Найдельман.

Хатч выключил рацию и посмотрел на северо-восток, в направлении ближайшей базы береговой охраны. Через три минуты, быть может, через четыре, они должны были увидеть машину над горизонтом. Малин снова повернулся к Стритеру.

– Расставьте сигнальные огни. И уберите людей с этой площадки, ещё один несчастный случай нам не нужен. Когда появится вертолёт, потребуется четыре человека, чтобы уложить его на носилки, не больше.

– Верно, – ответил Стритер, поджав губы.

Хатч отметил, что его лицо неестественно потемнело, а во лбу забились жилки. *Вот незадача, – подумал доктор, – но мы наладим отношения позднее. Кроме того, не он же собирается до конца дней своих жить без обеих ног.*

Малин снова бросил взгляд на горизонт. Чёрное пятнышко быстро приближалось. Через считанные секунды воздух наполнило низкое глухое постукивание мощных моторов. Вертолёт резво пролетел над островом, затем заложил крутой вираж и приблизился к группе людей, что сгрудились у ямы. От потока воздуха от лопастей трава бешено закачалась, и глаза Малина залепила пыль. Дверь грузового отсека отъехала в сторону, и к ним, раскачиваясь, принялись спускаться носилки. Раненого привязали к ним, и он отправился наверх, после чего Хатч подал знак, чтобы носилки спустили ещё раз – за ним. Едва он, в свою очередь, очутился на борту, поджидающий медик захлопнул дверь и показал пилоту два больших пальца. Вертолёт мгновенно повернул вправо и зарылся в воздух носом вперёд, направляясь на юго-запад.

Хатч осмотрелся по сторонам. Отметил солевой раствор, баллон с кислородом и маску, а также полку с антибиотиками, бинтами, шинами и антисептиками.

– У нас не оказалось первой группы с отрицательным резусом, доктор, – сказал медик.

– Не беспокойтесь, – ответил Хатч. – Вы всё сделали как надо. Но нужно залить солевой раствор – он потерял слишком много крови.

Малин заметил, что медик странно смотрит на него, и затем понял, почему: без рубашки, покрытый коркой грязи и засохшей крови, он едва ли был похож на доктора штата Мэн.

С носилок донёсся новый стон, и раненый вновь принялся сучить культиями.

Час спустя Хатч в одиночестве стоял в пустой операционной, вдыхая запах бетадина и крови. Кен Филд, пострадавший, теперь находился в соседней палате под присмотром лучшего хирурга Бангора. Ноги пришить нельзя, но мужчина будет жить. Дело сделано.

Хатч глубоко вдохнул и медленно выдохнул, пытаясь вместе с воздухом избавиться от того яда, что принёс ему день. Ещё вдох, затем ещё. Наконец, он тяжело опустился на операционный стол, наклонился вперёд и плотно прижал к вискам кулаки. *Этого не должно было случиться*, – прошептал холодный голос в голове. Одна лишь мысль о том, как он сидел там, на «Плэйн Джейн», лениво поедая ланч и играя с чайками, вызвала невыносимую боль. Хатч проклял себя за то, что его не было на острове в то время, когда там случилось несчастье, за то, что позволил им взяться за работу прежде чем его офис и оборудование готовы. Второй раз в жизни он снова оказался неготов, снова недооценил мощь острова. *Больше никогда*, – подумал Малин с яростью. – *Больше – никогда!*

Постепенно самообладание вернулось, и его пронзила ещё одна мысль. Сегодня он в первый раз ступил на остров Рэгид – в первый раз с того дня, как погиб брат. Пока он был занят, оказывал помощь – об этом не было времени подумать. А сейчас, в мрачном одиночестве операционной, один на один с мыслями, Малину потребовался весь контроль над собой, чтобы не задрожать от нахлынувшего ужаса.

9

Дорис Боудич, агент по продаже недвижимости, проворно поднялась по ступенькам к двери дома номер пять на аллее Океана. Старые доски крыльца застонали под непривычным для них весом. Когда женщина наклонилась вперёд, чтобы открыть ключом дверь, по её руке каскадом слетело множество серебряных браслетов, и их брелчание напомнило Малину звук колокольчиков на санях. Краткое сражение с замком, после чего она повернула ручку и торжественным жестом распахнула дверь.

Гавайское платье женщины колыхнулось на спине. Хатч подождал, пока та переступит через порог, затем проследовал за ней в прохладные, тёмные внутренности дома. И сразу же его ударило, будто под дых: тот же самый запах старых сосновых досок, нафталина и дыма трубки. Хотя он не вдыхал эти ароматы целых двадцать пять лет, он едва удержался от того, чтобы сделать шаг назад, на солнце – сильный запах детства угрожал обойти всю его защиту.

– Ну? – донёсся до него живой голос Дорис, когда она захлопнула за ними дверь. – Прелестный старый дом, не так ли? Я всегда говорила – стыд-позор, что он заколочен на такое долгое время!

Женщина розовым вихрем проскользнула на середину комнаты.

– Что скажете? – спросила она.

– Замечательно, – ответил Хатч, нерешительно шагнув вперёд.

Передняя гостиная оказалась в точности такой же, какой он её запомнил в тот день, когда его мать, наконец, сдалась, и они отправились в Бостон: ситцевые кресла, старый холщовый диван, репродукция с кораблём «ХМС Линдер» над камином, пианино «Херкаймер» с круглым стулом и плетёным ковриком.

– Насос работает, – продолжила Дорис, ни на что не обращая внимание. – Окна помыты, электричество включено, баллоны заправлены пропаном.

Перечисляя, она будто ставила галочки длинными красными ногтями.

– Выглядит очень хорошо, – рассеянно промолвил Хатч.

Он подошёл к старому пианино и провёл рукой по его крышке, вспоминая зимние дни, которые он проводил, сражаясь с инвенцией Баха в двух частях. На полке рядом с камином – набор для игры в «Парчизи». Рядом – коробка с «Монополией», с давным-давно потерянной крышкой, и прямоугольнички розовых, жёлтых и зелёных игрушечных денег, потрёпанные и замусоленные в бесчисленных партиях. Полкой выше лежали несколько грязных колод карт, перевязанных резинками. Хатч почувствовал очередной укол, вспомнив, как играл с Джонни в покер, используя спички вместо фишек, и как живо они спорили о том, что лучше – «полный дом» или «стрит»⁵. Всё здесь, каждое болезненное напоминание на своём месте. Словно он оказался в музее воспоминаний.

Они оставили Стормхавэн, захватив с собой лишь одежду. Предполагалось – изначально – что они вернутся через месяц. Затем месяц превратился в сезон, затем в год – и вскоре старый дом остался далёкой мечтой: заколоченный, невидимый, неупоминаемый, но по-прежнему терпеливо ожидающий их возвращения. Хатч снова задал себе вопрос, почему мать так его и не продала, даже в те дни, когда им было туго в Бостоне. И подумал о своих личных, глубоко запрятанных причинах такого же нежелания, спустя долгие годы после смерти матери.

Малин прошёл в гостиную и постоял у окна с выступом, позволив взгляду упасть на бесконечную синь океана, мерцающую в лучах утреннего солнца. Где-то на горизонте лежал остров Рэгид, успокоившийся после первого за четверть века несчастного случая. После про-

⁵ «полный дом» – три карты одного достоинства и две другого; «стрит» – карты, подобранные подряд по достоинству. Термины из покера. – *прим. пер.*

исшествия Найдельман на один день приостановил работы. Взгляд доктора перенёлся с моря на лужайку на переднем плане – на зелёную мантию, что спускалась к берегу от самого дома. Хатч снова напомнил себе, что не обязан этого делать. Были и другие места, в которых он мог оставаться, не чувствуя на своих плечах лишнего груза воспоминаний. Но эти места – не в Стормхавэне: подъезжая к дому сегодня утром, он увидел, быть может, с дюжину сотрудников «Талассы», сгрудившихся у единственной гостиницы в городке, и все горели желанием занять пять свободных номеров. Малин вздохнул: раз уж он здесь, должен пойти на всё.

Пылинки плясали в солнечных лучах. Стоя у окна, Хатч чувствовал, как уходят прошедшие годы. Он вспомнил, как они с Джонни ночевали на этой лужайке, расстелив на влажной ароматной траве спальные мешки, считая метеоры во тьме.

– Вы получили моё письмо в прошлом году? – вторгся в его мысли голос Дорис. – Я боялась, как бы оно не потерялось.

Хатч отвернулся от окна, пытаясь понять смысл вопроса, но затем оставил напрасные попытки и снова перенёлся в прошлое. Там, в углу – наполовину законченная вязаная обивка для стула, увядшая до пастельного оттенка. А вон – полка с книгами отца: Ричард Генри Дана, Мелвилл, Слокам, Конрад, «Жизнь Линкольна» Сандбурга. И две полки английских детективов матери. Под ними – стопка потрёпанных журналов «Лайф» и жёлтый ряд «Нэйшнл Джоу-график». Малин скользнул в столовую, агент по недвижимости, словно хвостик, зашуршала следом.

– Доктор Хатч, вы же знаете, как обременительно содержать старый дом вроде этого. Я всегда говорила, что его слишком много для одного... – сказала она и, широко улыбнувшись, оставила фразу незавершённой.

Малин медленно обошёл комнату, провёл рукой по крышке стола, а его взгляд скользнул по хромофотографиям Аудубона на стенах. Ноги сами собой направились на кухню. Вот старый холодильник, отделанный кругляшками хрома. Клочок бумаги, увядший и изогнутый, до сих пор оставался прижат к нему магнитом. *Эй, мам! Клубнику, пожалуйста!* – начертано на нём его детским почерком. Хатч задержался в уголке, где они некогда завтракали, у покрытого рубцами стола и скамеек, которые вызвали к жизни воспоминания о боях за еду и пролитом молоке; воспоминания об отце, который с достоинством и прямой спиной сидел посреди дружеского хаоса, отце, который рассказывал истории своим неторопливым голосом, в то время как его ужин остывал. И – позже – за столом лишь он с матерью, её голова склонилась от горя, утреннее солнце освещало седые волосы, а слёзы капали в чайную чашку.

– Как бы там ни было, – донёсся голос, – я написала вам о молодой парочке из Манчестера, с двумя детьми. Очаровательная семья. Они уже несколько летних сезонов подряд снимают дом Фиггинсов, и не прочь купить этот.

– Конечно, конечно, – туманно пробормотал Хатч.

Отсюда окна выходят на заднюю лужайку, где разрослись яблони. Он вспомнил утренние часы летних дней, когда на полях лежал туман и среди деревьев появлялся олень, чтобы поесть яблоч, с нервной точностью вышагивая среди зарослей тимофеевки.

– Я хочу сказать, они готовы заплатить двести пятьдесят. Стоит ли им позвонить? Конечно, никаких обязательств...

С превеликим усилием Хатч повернулся к ней.

– Что?

– Я просто думала, быть может, вы хотите продать его, только и всего.

Хатч поморгал.

– Продать? – медленно спросил он. – Дом?

Улыбка на лице Дорис Боудич осталась непоколебимой.

– Я всего лишь думала, что вы неженатый, и это... Понимаете, это кажется непрактичным.

На этих словах она запнулась, но упорно продолжила гнуть свою линию.

Хатч подавил вспышку раздражения. В небольших городках вроде Стормхавэна надо быть осмотрительным.

– Не думаю, – ответил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Он вернулся в гостиную и направился к двери. Женщина следовала за ним.

– Конечно, я не говорю о том, чтобы продавать прямо сейчас, – живо продолжила она. – Если вы найдёте... ну, сокровище... Это же не займёт много времени, правда? Тем более со всей этой помощью.

Её лицо на мгновение затуманилось.

– Но – ох! – это ж было ужасно, правда? Двое погибших вчера, я хочу сказать.

Хатч медленно перевёл на неё взгляд.

– Двое погибших? Два человека не погибли, Дорис. Никто не погиб. Просто несчастный случай. А откуда вы о нём узнали?

Дорис выглядела слегка озадаченной.

– Ну, я узнала от Хильды МакКолл. У неё косметический салон, «Причёски Хильды». Как бы то ни было, с такими деньгами вам не придётся здесь оставаться, поэтому вы сможете...

Хатч сделал шаг к двери и отворил её для женщины.

– Спасибо, Дорис, – сказал он, сумев выдавить из себя улыбку. – Дом в превосходном состоянии.

Та в нерешительности остановилась, не доходя до порога. Она помедлила и продолжила:

– А насчёт той семьи. Муж – очень успешный юрист. У них двое детей, понимаете, мальчик и...

– Спасибо, – повторил Хатч, на этот раз несколько твёрже.

– О, да пожалуйста, пожалуйста! Знаете, я не думаю, что двести пятьдесят тысяч – такая уж маленькая цена за летний...

Малин шагнул на крыльцо с тем, чтобы ей пришлось выйти за порог, если она хочет быть услышанной.

– Цены на недвижимость сейчас высоки, доктор Хатч, – сказала она, выходя из дверного проёма. – Но, как я всегда говорила, никогда не знаешь, когда они упадут. Восемь лет назад...

– Дорис, вы просто лапочка, и я порекомендую вас всем знакомым докторам, которые захотят переехать в Стормхавэн. Ещё раз спасибо. Я буду ждать счёт.

Хатч быстро шагнул внутрь и закрыл за собой дверь – тихо, но настойчиво. Он постоял там, раздумывая, отважится ли она позвонить. Но та лишь некоторое время нерешительно постояла на крыльце, прежде чем вернуться к машине – гавайское платье развевалось за спиной, а на лице всё так же намертво прилеплена неукротимая улыбка. Комиссия в шесть процентов от двухсот пятидесяти тысяч, подумал Хатч, – для Стормхавэна это большие деньги. Он смутно припомнил, что ему говорили о её муже, который пил – и из-за этого потопил лодку у берега. *Нет, она просто не может понять, что я чувствую,* – подумал он, сумев найти в сердце капельку сочувствия и для Дорис Боудич, риэлтера.

Малин опустил на небольшое сиденье перед пианино и мягко сыграл первый аккорд прелюдии Шопена в ми-минор. Он удивился и обрадовался, что пианино настроено. По крайней мере, Дорис в точности следовала его указаниям: *Прибраться в доме, всё подготовить, но ничего не трогать и не передвигать.* Он заиграл пианиссимо, словно во сне, пытаясь прочистить голову. Сложно даже осознать, что он двадцать пять лет не прикасался к этим клавишам, не сидел на этом стуле и даже не шагнул по этим половицам. Отовсюду, куда ни падал взгляд, дом услужливо подбрасывал ему воспоминания счастливого детства. В конце концов, детство же было счастливым. Лишь только его конец оказался невыносимым. *Если бы только...*

Хатч с силой наступил на горло этому холодному, настойчивому голосу.

Погибли двое, сказала Дорис. Чересчур живое воображение, даже с учётом обычной мельницы слухов, что без устали работает в небольших городках. До сих пор Стормхавэн, казалось, принимал приезжих с чем-то вроде гостеприимного любопытства. Конечно, их приезд – удача для торговцев. Но ясно, что кому-то придётся выступить перед жителями в качестве пресс-секретаря «Талассы»: в противном случае одному лишь Богу известно, какие дикие истории могут разойтись из «Суперетты Бада» или «Причёсок Хильды». И, с отчаянием, доктор понял, что на роль пресс-секретаря годится лишь один-единственный человек.

Ещё несколько минут Малин продолжал сидеть за пианино. Он подумал, что если хоть сколько-нибудь повезёт, старина Билл Баннс по-прежнему занимает пост главного редактора местной газеты. Тяжело вздохнув, доктор поднялся и направился на кухню, где его поджидали банка растворимого кофе и – если Дорис о нём не забыла – работающий телефон.

10

На следующее утро небольшая кучка собравшихся за древним столом кленового дерева в рулевой рубке «Гриффина» являла собой лишь жалкий отголосок той шумной, нетерпеливой толпы, что взволнованно кричала вокруг этого же корабля тремя днями ранее. Когда Хатч явился на запланированную встречу, большая часть присутствующих выглядели подавленными происшествием, даже деморализованными.

Малин осмотрел центр управления корабля Найдельмана. Ряд окон на закруглённой переборке давал беспрепятственный обзор острова, моря и материка. Сама рубка была отделана бразильским розовым деревом и медью, потрясаяще отреставрирована, с замысловатыми узорами на потолке. Нечто, напоминающее голландский секстант восемнадцатого столетия, стояло в стеклянной коробке рядом с нактоузом. Штурвал вырезан из экзотического чёрного дерева. В шкафчиках красного дерева с обеих сторон от штурвала – набор высокотехнологичных инструментов, включая экраны лорана и сонара, а также координатная сетка для спутниковой глобальной навигационной системы. На задней переборке рубки – масса электроники неясного предназначения. Сам капитан ещё не появился из своих личных апартаментов внизу: низенькая деревянная дверь меж груды электроники на задней переборке закрыта. Над ней вверх ногами висела прибитая подкова. Небольшими, но легко читаемыми латунными буквами на двери выложена надпись – «ЧАСТНОЕ». Единственные звуки в помещении – скрип перлиней да мягкие всплески воды о корпус.

Заняв своё место за столом, Хатч бросил взгляд на собравшихся. С некоторыми из них он уже неофициально встречался в первый вечер, но остальные оказались незнакомы. Лайл Стритер, главный в этой команде, подчёркнуто отвёл взгляд от приветливой улыбки Малина. Очевидно, это не тот человек, который обожает, когда на него кричат. Хатч мысленно отметил, что ему следует запомнить: хотя любой первокурсник знает, что крики, вопли и ругательства для медиков во время чрезвычайной ситуации – дело обычное, – остальное человечество об этом и понятия не имеет.

Снизу раздался звук, и в двери рубки появился капитан. Под взглядами всех он направился во главу стола и облокотился на него обеими руками, а затем по очереди посмотрел каждому в лицо. Напряжение в рубке заметно ослабло, как если бы каждый получил от капитана свою долю силы и самоконтроля. Посмотрев на доктора, Найдельман спросил:

– Как Кен?

– Состояние тяжёлое, но стабильное. Есть вероятность закупорки сосудов, но за этим внимательно наблюдают. Думаю, вы знаете, что ноги пришить не могли.

– Я так и понял. Спасибо, доктор Хатч, за то, что спасли ему жизнь.

– Не смог бы этого сделать без помощи господина Стритера и его группы, – ответил Хатч.

Найдельман кивнул, давая воцариться тишине. Затем заговорил снова, негромко, но уверенно:

– Обзорная группа следовала моим указаниям. Они предприняли все меры предосторожности, какие я счёл необходимыми. Если кого-то и следует порицать за несчастный случай, так это меня самого. Впоследствии мы пересмотрели требования к технике безопасности. Можно скорбеть о несчастном случае. Можно выразить симпатии Кену и его семье. Но взаимных упреков быть не должно.

Он выпрямился и сцепил руки за спиной.

– Каждый день, – продолжил капитан уже громче, – мы будем идти на риск. Все мы. Завтра вы или я можем потерять ноги. Или ещё того хуже. Риск осязаем, он – часть нашей работы. Если бы поднять два миллиарда долларов из водяной могилы было просто, это бы сделали годы назад. Столетия. Мы здесь *из-за* опасности. И первый звонок уже прозвенел. Но

мы не можем позволить ему ослабить нашу решимость. Никакое другое сокровище не было упрятано так тщательно, так мастерски, как это. Чтобы его достать, потребуется ещё больше мастерства, ещё больше усилий.

Найдельман подошёл к ближайшему окну и несколько секунд смотрел в него. Затем обернулся.

– Уверен, все вы, или почти все, уже знают подробности этого происшествия. Когда группа передвигалась по острову, Кен Филд попал в заколоченную шахту, которую, судя по всему, выкопали в девятнадцатом столетии. Страховочный трос остановил падение, не дал ему улететь на дно. Но, когда Кена начали вытаскивать, канат зацепился за торчащий, прогнивший от времени брус. Натяжение троса сместило его, что вызвало обвал и обрушение соседней затопленной шахты.

Капитан помолчал.

– Мы знаем, чему нас научил этот урок. И, думается мне, все мы понимаем, каким должен быть следующий шаг. Завтра мы начнём приготовления к исследованию Водяного Колодца с помощью краски, чтобы определить нахождение тайного туннеля, который соединяет его с морем. К тому времени необходимо установить и отладить первичную компьютерную сеть. Прежде чем взяться за дело, нужно собрать систему сонаров, сейсмографов, томографов и протонных магнетометров. Оборудование для подводных работ должно быть проверено и подготовлено к пятнадцати ноль-ноль. И, самое главное, мне нужно, чтобы к концу дня насосы были установлены и подготовлены к тесту.

Найдельман одарил каждого беглым взглядом.

– Вы – стержень проекта. Каждый, кто сидит за этим столом, получит свою долю сокровищ вместо оклада. Вы должны понимать, что в случае успеха станете баснословно богаты. Может показаться, это не так уж плохо – учитывая, что работы займут всего четыре недели... если не думать о том, что произошло с Кеном Филдом. Если кто-либо из вас подумывает о том, чтобы выйти из игры, сейчас для этого самое время. Вы получите стандартный пакет компенсаций от «Талассы», но не получите своей доли клада. Не будет ни неприятного осадка, ни лишних вопросов. Но только не надо потом подходить ко мне и говорить, что опять передумали. Если мы вместе, то – от начала и до конца. Поэтому говорите сразу.

Капитан подошёл к шкафчику, в его руках появилась старая вересковая трубка. Он вытянул из шкафчика банку с табаком «Данхилл», опустил щепотку в трубку и методично утрамбовал. Затем поднёс к трубке зажжённую спичку. Все его действия совершались намеренно неторопливо, и тишина за столом становилась всё более гнетущей. За окном рубки вездесущий туман острова Рэгид сделался ещё плотнее, окружив «Гриффин» едва ли не чувственной лаской.

Наконец, капитан бросил на них взгляд и заговорил снова, выпуская клубы голубого дыма.

– Очень хорошо. Прежде чем мы приступим, я хочу представить вас всех новому члену нашей экспедиции.

Найдельман бросил взгляд на Малина.

– Доктор, я надеялся официально познакомить вас с моими главными сотрудниками в обстоятельствах поприятнее, – сказал он, жестом указывая на остальных. – Как почти все из вас знают, это Малин Хатч, владелец острова Рэгид и партнёр в данном проекте. Он будет начальником медицинской службы.

После этих слов капитан чуть повернулся.

– Доктор Хатч, это – Кристофер Сен-Джон, историк экспедиции.

Сен-Джон оказался тем мужчиной с баркаса, с пухлым лицом, который встретился с доктором взглядом двумя днями раньше. Копна непослушных седых волос увенчала круглую голову, а помятый твидовый костюм нёс на себе предательские следы нескольких завтраков.

– Кристофер – эксперт по различным аспектам истории эпох Елизаветы и Стюарда, включая пиратство и использование шифров. А это, – сказал Найдельман, указывая на неопрятного парня в шортах, который в данный момент с выражением глубокой скуки осматривал ногти на руке, свесив ногу через ручку кресла, – Керри Вопнер, наш эксперт по компьютерам. Керри сведущ в установке компьютерных сетей и криптоанализе.

Капитан впился взглядом в этих двоих.

– Едва ли следует напоминать вам о чрезвычайной важности расшифровки второй части журнала, особенно в свете трагедии. У Макаллана не должно оставаться от нас секретов.

Затем Найдельман продолжил представлять остальных.

– Вчера вы уже познакомились с нашим главным техником, Лайлом Стритером. Он работает со мной с тех пор, как мы плавали по Меконгу. А вот, – сказал он, указывая на невысокого роста, сурового и раздражительного вида женщину в ярких одеждах, – Сандра Магнусен, главный инженер «Талассы» и специалист по дистанционному зондированию. В конце стола сидит Роджер Рэнкин, наш геолог.

Капитан указал на грубого косматого мужчину, который устроился в кресле, которое показалось слишком маленьким для него. Встретившись с доктором глазами, тот непроизвольно улыбнулся, и его борода разделилась на две части. Роджер провёл рукой по лбу.

– Доктор Бонтьер, – продолжил Найдельман, – наш археолог и главный аквалангист, задерживается и появится лишь поздно вечером.

Капитан несколько мгновений помолчал.

– Если вопросов больше нет, тогда на этом всё. Всем спасибо, завтра утром встречаемся снова.

Собравшиеся начали вставать, а Найдельман обошёл вокруг стола и приблизился к доктору.

– На острове осталась специальная группа, чтобы установить коммуникации и разбить главный лагерь, – сказал он. – Амбулатория будет готова к рассвету.

– Это хорошо, – ответил Хатч.

– По всей видимости, вы хотите побольше узнать о проекте. Сегодня днём – самое время. Если вы не против, подплывайте к «Церберу» около двух, – при этих словах губы капитана тронула слабая улыбка. – С завтрашнего утра здесь, судя по всему, дел будет по горло.

11

Ровно в два часа дня «Плэйн Джейн», медленно скользя по спокойным водам, выбралась из последних завитков тумана, что окружил остров Рэгид. Перед собой Хатч различил белые очертания «Цербера», стоящего на якоре – длинный гладкий корпус низко сидел в воде. На уровне ватерлинии Малин углядел причальный люк, где виднелась высокая худощавая фигура капитана, который ждал его прибытия.

Вырубив двигатель, Хатч под острым углом направил лодку к массивному корпусу «Цербера». В тени корабля оказалось тихо и прохладно.

– Немаленький же у вас кораблик! – прокричал Хатч, когда «Плэйн Джейн» остановилась напротив капитана.

По сравнению с «Цербером» лодка Малина показалась крохой.

– Самый крупный во всём флоте «Талассы», – ответил Найдельман. – В сущности, это даже не корабль, а плавучая лаборатория и, заодно, главная научная станция. Здесь чёртова уйма оборудования, которое мы можем выгрузить на остров. Но крупные инструменты – электронные микроскопы и ускорители углерода-14, к примеру, останутся на корабле.

– Меня заинтересовал гарпун на носу, – произнёс Малин. – Неужто вы и впрямь время от времени гоняетесь за голубыми китами, когда команда начинает голодать?

Найдельман ухмыльнулся.

– Гарпун выдаёт происхождение судна, друг мой. По конструкции ему было предназначено стать настоящим китобойным судном для одной норвежской компании, лет шесть назад. Но в действие вступил международный мораторий на промысел китов, и корабль превратился в дорогостоящего белого слона ещё до того, как был построен. «Таласса» приобрела его по замечательной цене. Фишбалки и разделочные машины убрали, но никто даже не заикнулся о том, чтобы разобрать гарпун, – объяснил капитан и мотнул головой. – Пойдёмте посмотрим, как там наши ребята.

Хатч закрепил «Плэйн Джейн» у борта «Цербера» и пробежал по сходням на корабль. Следуя за Найдельманом, выбрался через люк и оказался в длинном узком коридоре, окрашенном в серый цвет. Капитан провёл его мимо нескольких пустых лабораторий и кают-компаний, а затем остановился у двери с надписью «Компьютерная».

– За этой дверью скрыто больше вычислительных мощностей, чем в небольшом университете, – с оттенком гордости в голосе заметил Найдельман. – Но они нужны не только для перебора чисел: это ещё и профессиональная навигационная система, и автонавигатор. В чрезвычайных обстоятельствах корабль может практически управлять самим собой.

– Мне уже стало интересно, куда подевались все люди, – сказал Хатч.

– На борту лишь основная группа. То же можно сказать и об остальных судах. Это соответствует философии «Талассы», которая держится на гибком поддержании ресурсов. Будет нужно, завтра здесь окажутся дюжина учёных. Или дюжина землекопов, если уж на то пошло. Но мы пытаемся работать самой немногочисленной и самой способной группой, какой только можно.

– Экономия средств, – шутливо заметил Хатч. – Должно быть, это радует инвесторов.

– Не только, – серьёзно ответил Найдельман. – Идея имеет смысл с точки зрения безопасности. Не стоит лишний раз искушать судьбу.

Капитан завернул за угол и прошёл мимо слегка прикрытой тяжёлой металлической двери. Бросив взгляд внутрь, Хатч заметил закреплённое на переборках различное спасательное оборудование. А ещё увидел стойку с пулемётами и двумя орудиями поменьше. Последние – из блестящего металла. Что они из себя представляют, Малин и понятия не имел.

– Что это? – спросил он, указывая на пузатые, напоминающие обрубки орудия. – Похожи на тонкие трубки от пылесосов.

Найдельман бросил взгляд за дверь.

– Флэшет, – сказал он.

– Прошу прощения?

– Нечто вроде пистолета, которым забивают гвозди. Стреляет крохотными ребристыми кусочками проволоки из карбида вольфрама.

– Судя по описанию, это скорее больно, чем опасно.

Найдельман еле заметно улыбнулся.

– Пять тысяч выстрелов в минуту, скорость пульек свыше трёх тысяч футов в секунду... о, они довольно-таки опасны, – заметил он, закрывая дверь и проверяя запор. – Этот отсек не следует оставлять открытым. Надо будет сказать об этом Стритеру.

– Чёрт возьми, но для чего они здесь нужны? – нахмурившись, спросил Хатч.

– Имейте в виду, Малин: «Цербер» не всегда плавает в таких мирных водах, как у побережья сельской части Мэн, – ответил капитан, ведя его дальше по коридору. – Зачастую нам приходится работать в тех водах, где кишмя кишат акулы. А когда сталкиваешься с огромной белой акулой, весьма быстро начинаешь уважать, что может сделать флэшет. В прошлом году в Коралловом море я видел, как он разрубил акулу в клочья, от носа до хвоста, всего за полторы секунды.

Хатч проследовал за капитаном по лестнице, ведущей на следующую палубу. Найдельман секунду помедлил у ничем не отмеченной двери, затем громко постучал.

– Я занят! – донёсся до них раздражённый голос.

Найдельман понимающе улыбнулся Малину и приоткрыл дверь, показывая едва освещённую каюту. Хатч шагнул внутрь вслед за капитаном, обо что-то споткнулся и, моргая, принялся осматриваться, пока глаза привыкали к полумраку. Доктор увидел, что задняя переборка и иллюминаторы целиком закрыты рядами электронного оборудования, лежащего на стеллажах: осциллоскопы, процессоры и неисчислимое множество специальной электроники, о предназначении которой невозможно догадаться. На полу по колено насыпаны смятые бумаги, зазубренные банки из-под лимонада, фантики от конфет, грязные носки и трусы. Морскую койку, приделанную к одной из переборок, скрыл под собой ворох простыней, которые с одинаковой небрежностью покрыли и матрас, и пол. Запах озона и электроники заполнил всю комнату, а единственное освещение каюты исходило от множества мерцающих экранов. И в самом центре хаоса, спиной к ним, сидел, яростно набирая текст на клавиатуре, растрёпанный человек в цветастой рубашке и шортах до колен.

– Керри, у тебя найдётся минутка? – спросил Найдельман. – Я привёл доктора Хатча.

Вопнер отвернулся от экрана, сморгнув сперва на капитана, затем на Малина.

– Вы здесь главный, – ответил компьютерщик высоким, раздражённым голосом. – Но ведь вы просили, чтобы мы сделали всё уже... э-э-э... вчера.

Последнее слово он произнёс как «вчирра».

– Последние двое суток настраивал сетку, и ни хрена не сделал с шифром, – добавил Керри.

Найдельман снисходительно улыбнулся.

– Уверен, вы с доктором Сен-Джоном можете потратить несколько минут на главного партнёра экспедиции, – заявил он и повернулся к Малину. – По виду не скажешь, но Керри – один из лучших специалистов по дешифровке из тех, что не работают в АНБ⁶.

– Ну да, конечно, – сказал Вопнер, но Малин заметил, что тот доволен комплиментом.

⁶ NSA – Агентство национальной безопасности (АНБ) США. – прим. пер.

– Неплохое оснащение, – заметил Хатч, закрывая за собой дверь. – Это, случаем, не сканер «КАТ», там, слева?

– Очень смешно, – поправляя на носу очки, ответил Вопнер и чихнул. – Думаешь, это нечто особенное? Всего лишь система для бэкапа⁷. Главные системы переехали на остров ещё вчера утром. Вот они – и вправду нечто!

– Контрольные тесты завершены? – спросил Найдельман.

– Идёт последняя серия, – ответил Вопнер, смахивая с глаз прядь жирных волос и снова поворачиваясь к монитору.

– Сегодня днём наша группа завершает установку сети на острове, – произнёс капитан, обращаясь к доктору. – Как и сказал Керри, это лишь резервная система, точная копия компьютерной сети острова Рэгид. Такой способ обходится довольно дорого, но действительно экономит кучу времени. Керри, покажи ему, что я имею в виду.

– Ага, сэр, – откликнулся Вопнер, коротко отстучав по клавишам.

Над головой включился монитор, который до сих пор не показывал ничего. Хатч посмотрел на него и увидел, что на экране появилась разбитая на квадраты диаграмма острова Рэгид. Картинка медленно повернулась вокруг центральной оси.

– У всех маршрутизаторов сетки имеются дубли, – пояснил Керри, после чего снова отстучал по клавиатуре, и теперь на остров наложилась серия тонких зелёных линий. – Они оптоволоконным кабелем связаны с центральным хабом.

Найдельман жестом указал на экран.

– На острове всё – от насосов до турбин, компрессоров и буров – связано с сетью. Мы чем угодно сможем управлять из командного пункта. Один сигнал – заработают насосы; второй – поднимется лебёдка; третий – и в вашем медпункте выключится свет; и так далее.

– Точно, как он и говорит, – добавил Вопнер. – Систему можно расширять и дальше, и на всех удалённых клиентах свои слои ОС. И всё дёргается по команде, уж поверьте – мини-пакеты данных и всё такое. Огромная сеть – тысяча портов в одном домене – но задержка нулевая. Вы не поверите, как пингуется этот красавчик.

– По-английски, если можно, – откликнулся Хатч. – Я никогда не учился слэнгу. Эй, а это что?

Он указал на ещё один экран, на котором оказалось изображение средневековой деревушки, как её можно было бы увидеть с высоты. Крохотные фигурки рыцарей и колдунов были выстроены в боевом порядке, атаковали и защищались.

– Это – «Терновый меч». Ролевуха, которую я написал. Я же мастер подземелий в трёх онлайн-играх, – выпятив нижнюю губу, ответил Керри. – А что, с этим какие-то проблемы?

– Да нет, если их нет у капитана, – ответил Хатч, бросая взгляд на Найдельмана.

Очевидно, капитан даёт подчинённым достаточно свободного времени. И Малину показалось – как бы то ни было невероятным – что этот эксцентричный юноша Найдельману нравится.

Раздался низкий гудок, а затем по одному из экранов пробежал ряд чисел.

– Вот оно, – произнёс Вопнер, пробегая взглядом по данным. – «Сцилла» готова.

– «Сцилла»? – спросил Хатч.

– Ага. «Сцилла» – система на борту корабля. «Харибда» – на острове.

– Тестирование сети завершено, – объяснил Найдельман. – Как только завершим установку на острове, всё, что останется – просто скопировать программу на «Харибду». Сначала всё тестируют здесь, потом сливают на остров.

Капитан бросил взгляд на часы.

⁷ backup (англ.) – система резервного хранения данных. – прим. пер.

– Так, мне надо ещё кое-что сделать. Керри, я уверен, что доктор Хатч хотел бы побольше разузнать о вашей с доктором Сен-Джон работе над шифрами Макаллана. Малин, увидимся позже, на палубе.

С этими словами Найдельман покинул каюту, закрыв за собой дверь.

Вопнер вернулся к клавиатуре, и вновь принялся бешено отстукивать по клавишам. Хатч с минуту раздумывал, не собирается ли тот игнорировать его и дальше. Затем, даже не отвернувшись от терминала, Вопнер вытащил из-под стола мяч и запустил его в дальнюю переборку. Следом полетел толстенный том под названием "Написание сетевых подпрограмм на C++".

– Эй, Крис! – заорал Вопнер. – Время для представления!

Хатч догадался, что Керри, должно быть, целится в небольшую дверь на переборке.

– Дай я попробую, – предложил он, направляясь к ней. – У тебя прицел сбился.

Открыв дверь, Хатч увидел ещё одну каюту, точную копию в размерах, но абсолютно непохожую во всех остальных отношениях: ярко освещённую, чистую и аккуратную. Англичанин, Кристофер Сен-Джон, сидел у деревянного стола в центре каюты и медленно отстукивал по клавишам печатной машинки «Роял».

– Приветствую, – сказал Хатч. – Капитан Найдельман попросил несколько минут вашего времени.

Сен-Джон поднялся на ноги и взял со стола несколько древних томов. По выражению его гладкого, пухлого лица было видно, что историк нервничает: оно покрылось складками.

– Рад, что заглянули к нам, доктор Хатч, – сказал он, пожимая Малину руку.

По нему нельзя было сказать, что он так уж рад вторжению.

– Можете обращаться ко мне Малин, – ответил Хатч.

Сен-Джон слегка поклонился и проследовал за доктором в каюту Вопнера.

– Вытащи-ка стул, Малин, – произнёс Вопнер. – Я расскажу о настоящем деле, которым занимаюсь, а Крис – о всех этих пыльных фолиантах, которые он без конца поднимает и роняет в своей каюте. Мы работаем совместно. Ведь так, старикашка?

Сен-Джон плотно сжал губы. Даже здесь, в море, Хатч почувствовал атмосферу пыли и паутины, что окружила историка. *Его место – в букинистическом магазине, а не в команде золотоискателей*, – подумал он.

Отбросив мусор в сторону, Хатч пододвинул стул к Вопнеру, который указал на один из мониторов, на котором в данный момент ничего не было. Несколько быстрых команд – и на экране возникла оцифрованная картинка трактата Макаллана и зашифрованные строчки, оставленные на полях.

– Герр Найдельман чует, что во второй половине журнала – архиважная информация о сокровищах, – сказал Вопнер. – Поэтому мы подходим к расшифровке с двух сторон. Я занимаюсь компьютерами, а Крис – историей.

– Капитан упомянул сумму в два миллиарда долларов, – заявил Хатч. – Как вы к ней подобрались?

– Ну, – кашлянув, будто в приготовлениях к лекции, заговорил Сен-Джон. – Подобно большинству пиратов, флот Окхэма являл собой коллекцию различных кораблей, которые были им захвачены: пара галеонов, несколько бригантин, быстроходный шлюп и, полагаю, крупное судно Ост-Индской компании. В общем и целом, девять кораблей. Мы знаем, что они были загружены таким количеством трофеев, что совершенно потеряли маневренность. Поэтому просто складываешь их грузоподъёмность и принимаешь во внимание грузовые декларации тех кораблей, которые были взяты Окхэмом на абордаж. Например, мы знаем, что Окхэм захватил четырнадцать тонн золота лишь на одном-единственном испанском корабле, и в десять раз больше серебра. С остальных судов он нагребил запасы лазури, жемчуга, янтаря,

бриллиантов, рубинов, сердолика, амбры, нефрита, слоновой кости и гваякового дерева. И это – не упоминая уже о святынях, награбленных в прибрежных городах «испанского материка»⁸.

Непроизвольным жестом он поправил галстук-бабочку, а его лицо сияло от удовольствия, пока он перечислял сокровища.

– Прошу прощения, но... вы сказали, «четырнадцать тонн» золота? – ошеломлённо спросил Хатч.

– Именно так, – подтвердил Сен-Джон.

– Плавающий Форт-Нокс, – облизнувшись, заметил Вопнер.

– А ещё он захватил Меч Святого Михаила, – добавил Сен-Джон. – Сам по себе неоценимый артефакт. Мы имеем дело с величайшими сокровищами пирата, когда-либо награбленными. Окхэм был умён и одарён. Кроме того, он был образованным человеком, и оттого ещё более опасным.

Историк снял с полки тонкую пластиковую папку и подал её Малину.

– Здесь выдержки из его биографии, которые подготовил один из наших исследователей. Полагаю, вы поймёте, что на этот раз легенды не преувеличивают. Он обладал жуткой репутацией – всё, что ему оставалось – войти на флагмане в порт, поднять «Весёлого Роджера» и дать залп бортовых пушек, после чего все – от обычных горожан до священников – хватали свои ценности и сломя голову неслись к берегу.

– А девственницы? – молящим тоном спросил Вопнер, широко распахивая глаза в притворном интересе. – Что с ними было?

Сен-Джон помолчал, наполовину прикрыв глаза.

– Керри, может, не надо? – спросил он.

– Нет, правда, – заявил Керри, весь превратившись в озорную невинность. – Я хочу знать.

– Ты прекрасно знаешь, что происходило с девственницами, – огрызнулся Сен-Джон и снова повернулся к Малину. – На девяти кораблях Окхэма находилось две тысячи мужчин. Ему требовалось много народу, чтобы брать суда на abordаж и вести огонь из больших пушек. И этим людям обычно давалось двадцать четыре часа... э-э-э... свободы в несчастном городе. Результаты были жуткими.

– Видишь ли, двенадцатидюймовики были не только у кораблей, если ты понимаешь, что я хочу сказать, – ехидно промолвил Вопнер.

– Видите, что мне приходится терпеть? – пробормотал Сен-Джон, обращаясь к Малину.

– Я ужасно, ужасно сожалею об этом, старикашка, – ответил Вопнер, пародируя английский акцент. – У некоторых людей напрочь отсутствует чувство юмора.

Последнюю фразу он адресовал доктору.

– Успех Окхэма, – бодро продолжил Сен-Джон, – стал его ахиллесовой пятой. Он не знал, как захоронить настолько громадное сокровище. Это вам не какая-нибудь сотня фунтов золотых монет, которые можно тихо упрятать под скалой. И здесь на сцену вышел Макаллан. И, опосредованно, здесь на сцену выходим мы. Потому что Макаллан вёл свой журнал шифром.

Историк похлопал по тем книгам, что держал подмышкой.

– Здесь – книги по криптологии, – заявил он. – Вот "*Polygraphiae*" Иоганна Тритемиуса, опубликованная в конце тысяча пятисотых. Первый трактат по расшифровке кодов, который появился на Западе. А это – "*De Furtivus Literarum Notis*" Порты, книга, которую все шпионы эпохи Елизаветы знали практически наизубок. У меня имеется ещё с полдюжины других, а все вместе они целиком охватывают искусство шифрования эпохи Макаллана.

– Звучит страшнее, чем медицинские учебники для второкурсников.

⁸ the Spanish Main (англ.) – «испанский материк», территория Южной Америки и прилегающие моря, захваченные испанскими завоевателями. – прим. пер.

– Они просто очаровательны, честно, – сказал Сен-Джон, и в его голосе на мгновение прозвучала нотка энтузиазма.

– Ведение зашифрованных записей в те дни было обычным делом? – с любопытством спросил Хатч.

Историк рассмеялся смехом, подобным лаю тюленя, от которого его румяные щёки затряслись.

– Обычным? Это было практически всеобщим и жизненно необходимым в дипломатии и войнах. И в британском, и в испанском правительствах существовали отделы, которые специализировались на шифровании записей и их взломе. Даже у некоторых пиратов были люди, которые могли взламывать коды. В конце концов, в судовых бумагах попадались интересные зашифрованные документы.

– Но каким образом зашифрованные?

– Обычно это были номенклатурные шифры – длинные списки слов-заместителей. К примеру, в сообщении слово «орёл» могло заменять «короля Георга», а «нарциссы» – «дублины», и всё такое прочее. Иногда они включали в себя простые заместители алфавитов, в которых буква, цифра или символ заменяет собой букву алфавита, один к одному.

– А код Макаллана?

– Первая часть журнала записана довольно хитрым монофоническим шифром. Вторая... мы всё ещё над ней работаем.

– Это моя работа, – заявил Вопнер тоном, в котором прозвучала нотка ревности. – Всё дело в компьютере.

Он нажал на клавишу, и на экране появилась длинная строчка абракадабры:

AB3 RQB7 E50 LA W IEW D8P OL QS9MN WX 4JR 2K WN 18N7
WPDO EKS N2T YX ER9W DF3 DEI FK IE DF9F DFS K DK F6RE DF3 V3E
IE4DI 2F 9GE DF W FEIB5 MLER BLK BV6 FI PET BOP IBSDF K2LJ BVF
EIO PUOER WB13 OPDJK LBL JKF

– Вот как была зашифрована первая часть, – сказал Керри.

– И как же вы её расшифровали?

– Ой, ну не надо! В английском алфавите буквы встречаются с определённой частотой, Е – самая частая, а Q – самая редкая. Просто создаёшь нечто, что мы называем «контактной схемой кодовых символов и пар букв». Бах! Остальное делает компьютер.

Сен-Джон махнул рукой с выражением «давай, давай, говори».

– Керри программирует компьютер, чтобы тот атаковал шифр, а я добываю исторические сведения. Без старых таблиц шифров компьютер безнадёжен. Он знает лишь то, что в него вложили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.